

вера владимирова

40/2

ДБ

400

357

ЛЕНСКИЙ

расстрел

партиздат-1932

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
СЕКЦИЯ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА
ЛЕНСКАЯ БРИГАДА

ВЕРА ВЛАДИМИРОВА

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1932

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Глава 1. Партия и рабочий класс к моменту подъема рабочего движения.....	3
Глава 2. Кто хозяйничал на Лене.....	11
Глава 3. Положение рабочих и начало забастовки.....	15
Глава 4. Как „Лензото“ и царское правительство срывали забастовку.....	29
Глава 5. Расстрел рабочих и демонстративный уход их с приисков.....	37
Глава 6. Значение Ленского расстрела.....	51

Одано в производство 25/III — 32 г.
Подписано к печати 7/IV — 32 г.
Редактор В. Слуцкая.
Технический редактор А. Лавров.
Уполномоченный Главлита Б—18692.
Партиздат 226. Заказ № 957. Тираж
10000 экз. Формат б. 82 × 111 см.
41500 знаков в печатном листе,
3½ листа. Типография изд-ва „Кре-
стьянская газета“, Москва, Суще-
вская, 21

ПАРТИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС К МОМЕНТУ ПОДЪЕМА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Ленская забастовка вспыхнула в годы жесточайшей самодержавной реакции.

Революция 1905 г. окончилась поражением. Тысячи казенных, посаженных в тюрьмы, сосланных на каторгу, в ссылку, — так самодержавие завершало свое временное торжество. Задачи буржуазно-демократической революции остались неразрешенными.

Подавление революции 1905 г. было поражением не одних только русских рабочих, но и рабочих и трудящихся всего мира. Третьеиюньская монархия, которая являлась властью самодержавия в союзе с черносотенной Думой из помещиков и верхов торгово-промышленной буржуазии, была «могучим оплотом не только европейской, но также и азиатской реакции» (Л е н и н) и продолжала попрежнему играть роль мирового жандарма, быть постыю мировой контрреволюции.

Поражение революции 1905 г. было поражением мировой революции и потому, что русская революция не могла остаться на полдороге, она неизбежно должна была перерасти в социалистическую революцию. Таким образом победное развитие русской революции пробило бы брешь в мировом империализме. Революция 1905—1907 гг. была первой буржуазно-демократической революцией эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи, когда «старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма империализма» (С т а л и н).

Интересы империализма так тесно были переплетены с интересами царизма, что тот, «кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, и кто свергал царизм, тот должен был свергнуть империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка»¹. Поэтому революция 1905 г. не

¹ С т а л и н, Вопросы ленинизма, стр. 10, изд. 1931 г.

могла остановиться на полпути, не могла ограничиться буржуазно-демократическим этапом.

В 1905 г. т. Ленин писал, что «от революции демократической мы сейчас-же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»¹.

В революции 1905 г. все классы и партии выступили открыто, все программные и тактические разногласия были проверены массами в их борьбе. Всенародно была выявлена вся политическая дряблость русской буржуазии, контрреволюционный характер либерализма. И в революции 1905 г. русский пролетариат не только освободился от влияния «предательского и презренно-бессильного либерализма», но и «завоевал себе роль гегемона в борьбе за свободу, за демократию как условие для борьбы за социализм».²

Революция 1905 г. явилась также революционной проверкой, которая вскрыла пролетариату и широким трудящимся массам предательскую роль меньшевизма и его разновидности — троцкизма — и показала, что только единая монолитная партия большевиков может вести пролетариат к завоеванию социализма.

«Без генеральной репетиции 1905 г., — говорит Ленин, — победа Октябрьской революции 1917 г. была бы невозможна»³.

На уроках 1905 г. учится международный пролетариат и трудящиеся колониального и полуколониального Востока, ибо кроме непосредственного влияния на развертывание революций на Западе и на Востоке, революция 1905 г. выдвинула вопросы, которые являются коренными вопросами мировой революции. Учение Ленина о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, учение его о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую вошло в программу Коммунистического интернационала.

После «трех лет величайших всенародных классовых битв 1905—1907 гг.» (Л е н и н) наступает временное торжество контрреволюции, связанное с упадком массовой борьбы рабочих. За три года революции в забастовках участвовали 4 700 тыс. рабочих, а за три последующих года реакции (1908 — 1910) числа забастовщиков падает до 187 тыс.

В годы реакции партия выдвинула следующую платформу. Она считала что задачи буржуазно-демократической революции после 1905 г. остались нерешенными, что основные факторы экономическо и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 г. продолжают действовать и неизбежно приведут к новому подъему революционного движения, к новой революции.

¹ Ленин, т. VIII, стр. 186.

² Ленин, т. XV, стр. 20.

³ Ленин, т. VI, стр. 450.

Своей целью на этом этапе партия ставила: «Свалить царизм, ликвидировать полностью пережитки средневековья. Основная сила революции — пролетариат. Ближайший резерв — крестьянство. Направление основного удара: изоляция либерально-монархической буржуазии, старающейся овладеть крестьянством и ликвидировать революцию путем соглашения с царизмом»¹.

Новые условия работы в годы реакции требовали чрезвычайной гибкости от партии большевиков, умелого сочетания легальной и нелегальной работы. «Большевики, — писал т. Ленин — не могли бы удержать прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908—1914 гг., если бы они не отстояли в самой суровой борьбе обязательности соединения с нелегальными формами борьбы форм легальных, с обязательным участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами учреждений (страховые кассы и пр.)»².

Поэтому все силы партии были направлены на то, чтобы укрепить нелегальную организацию большевиков и использовать в интересах партии все легальные возможности. Большевики участвовали в черносотенных государственных думах, для того чтобы «облегчить массам на собственном опыте распознать ничтожность Думы, лживость кадетских обещаний, невозможность соглашений с царизмом. Без опыта масс в период Думы — разоблачение кадетов и гегемония пролетариата были бы невозможны» (С т а л и н).

Самые различные формы и методы рабочего движения (профсоюзы, стачки, рабочие клубы, страховые кампании, легальная рабочая пресса) использовались большевиками для пропаганды, социалистического воспитания и подготовки рабочего класса к грядущим революционным боям.

В эти годы величайшего упадка рабочего движения перед пролетариатом стояла важнейшая задача: отстоять свою пролетарскую партию большевиков не только от свирепого полицейского террора, но и от буржуазных попыток ревизии ее программы и тактики. Многочисленные мелкобуржуазные попутчики, особенно примкнувшие к социал-демократам в годы революции, начали отпадать от марксизма в годы реакции. Эта армия буржуазных ренегатов стремилась взорвать партию изнутри, проводя на нее буржуазное влияние.

Главным условием сохранения самостоятельной пролетарской партии являлось продолжение непримиримой борьбы большевиков во главе с Лениным на два фронта против ликвидаторства и против «левой» мелкобуржуазной революционности — отзовизма, а также против центризма и примиренчества к ним.

Ликвидаторство было не чем иным, как дальнейшим развитием

¹ Сталин Вопросы ленинизма, (изд. 1931 г., стр. 66).

² Ленин, т. XXV, стр. 183.

меньшевизма в годы реакции. Являясь агентами буржуазии в рабочем движении, меньшевики в революции 1905 г. стремились подчинить рабочий класс гегемонии буржуазии. В годы реакции их служба буржуазии выразилась в стремлении уничтожить самостоятельную партию пролетариата и тем самым в новых условиях подчинить рабочий класс буржуазии.

Во имя этого они отрицали грядущую революцию, считая, что назревающий революционный кризис будет носить мирный «конституционный характер». Большевистскую программу борьбы за революцию ликвидаторы подменяли платформой «столыпинской» рабочей партии, платформой либеральной рабочей политики.

Они объявляли нелегальную партию «трупом», говоря, что она уже ликвидирована. А все попытки ее восстановления клеймили как «реакционную утопию». Со страниц своих легальных журналов они осыпали клеветой и бранью нелегальную партию большевиков, призывая рабочих считать ее ячейки «отмершими».

Вместо подпольной организации они предлагали бесформенное объединение рабочих в рамках легальности во что бы то ни стало.

Вместо большевистского лозунга «революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян» как пути, через который пролетариат переходит к непосредственной борьбе за социалистическую революцию, они выдвигали борьбу «за свободу коалиций» как основной лозунг движения.

Вся деятельность меньшевиков, направленная против самостоятельных интересов пролетариата и его партии большевиков, проводилась под аккомпанимент похвал и восторгов со стороны буржуазии.

Другой разновидностью оппортунизма «слева» или «ликвидаторством наизнанку» являлся отзовизм. По внешней форме отзовисты выступали с прямо противоположных ликвидаторству позиций. Они отрицали использование легальных возможностей, выступали против участия в Государственной думе, в легальных профсоюзах и пр. Этим они хотели изолировать партию от широких рабочих масс. За «левой» фразой они скрывали свою ликвидаторскую позицию, отказываясь от революционной борьбы в тяжелые годы реакции, от использования легальных возможностей, которые в сочетании с нелегальными могли бы организовать и подвести массы к революции. «Ленин говорил, имея в виду отзовистов, что «левые» те же меньшевики, только наизнанку... что левые они только на словах, по видимости, а на деле представляют мелкобуржуазные правые тенденции»¹.

За границей отзовисты образовали фракцию «впередовцев», которая выступила с ревизией марксизма под знаменем «махизма»

¹ С т а л и н, Вопросы ленинизма, стр. 462, 464.

(разновидность идеализма). Некоторые впередовцы договаривались до богоискательства. К ним же примкнули и ультиматисты, эти «стыдливые отзовисты» (Л е н и н).

Проводя решительную борьбу против ликвидаторства и отзовизма, которые т. Ленин охарактеризовал как «проявление буржуазного влияния на пролетариат», большевики ведут одновременно непримиримую борьбу с центризмом.

Вождем русского центризма были Троцкий и К-о.

«Троцкий, — писал Ленин в 1911 г., — и подобные ему троцкисты и соглашатели вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, прикрывают ликвидаторство».

Троцкий помогал ликвидаторам и отзовистам чем мог. В немецких газетах он помещал ликвидаторские статьи; в России выступает ярким защитником петиционной кампании, ездит к впередовцам в их партийную школу на о. Капри, помогает в ее работе. Он ведет громогласную кампанию за объединение и соглашение всех течений, умалчивая о политическом содержании подготовляемого им блока.

Политическим содержанием объединительной тактики Троцкого было уловление в сети ликвидаторства и отзовизма как можно больше всяких колеблющихся и примиренчески настроенных элементов.

Реальной целью Троцкого было создание блока из всех антипартийных течений и противопоставление его партии большевиков. «Мелкобуржуазные демократы всех течений, желающие развращать рабочих буржуазным влиянием, соединяйтесь против ленинцев» — такова была троцкистская установка.

Партия большевиков-ленинцев должна была бороться против этих многочисленных явных и тайных буржуазных политиков в рабочем движении, чтобы удержать за пролетариатом гегемонию в революционной борьбе и не дать оппортунизму овладеть рабочим движением.

На помощь Троцкому выступали также и так называемые большевики-примиренцы (Каменев, Рыков, Ногин и др.). Стоя за совместную работу с ликвидаторами, они поносили большевиков-ленинцев и призывали «сломить сопротивление, которое оказывают делу сплочения партии большевики-ленинцы» (см. их бюллетень).

«Нет ни единого положения, — писал Ленин в 1911 г., — о котором якобы большевики (на деле непоследовательные троцкисты) не дали бы перебева ошибок Троцкого. Разве не обязаны мы после этого заявить всем и каждому, что примиренцы отнюдь не большевики, что они не имеют ничего общего с большевизмом, что они просто непоследовательные троцкисты».

Только в решительной, беспощадной борьбе с ликвидаторством, отзовизмом, центризмом и примиренчеством к ним большевики во главе с Лениным смогли отстоять революционную партию пролетариата в годы реакции и тем самым подготовить пролетариат как гегемона к дальнейшим революционным боям. Отзовисты, ликвидаторы, центристы были исключены из партии, и напрасно Троцкий вопил, что вследствие этого партия распалась.

«Большевики являются единственной в мире революционной организацией, которая разгромила до конца оппортунистов и центристов и изгнала их вон из партии»¹

К началу нового рабочего подъема партия большевиков-ленинцев была той революционной партией, за которой шли лучшие части рабочего класса. И попытка Троцкого объединить все антипартийные элементы на августовской конференции 1912 г. и создать в лице августовского блока «очаг централизма» кончилась позорным крахом. Беспринципный блок, составленный из оппортунистов всех мастей, не мог долго просуществовать, так как он объединял вождей без армии, рабочий класс за ними не шел.

* * *

Будучи вождем русского централизма в прошлом, Троцкий оказался в авангарде контрреволюционной буржуазии в настоящем.

Троцкий разделил судьбу Каутского (тоже бывшего центриста) и прочих ренегатов марксизма.

Сейчас, на 15-м году победоносной пролетарской революции мы успешно завершили построение фундамента социалистической экономики и разрешили внутри нашей страны основной исторический вопрос «кто кого?», разрешили окончательно и бесповоротно. Эти решающие успехи социалистического строительства вызывают бешеное сопротивление классового врага. И на почве этого мы имеем опять попытку троцкистских контрабандистов протащить свои взгляды.

Эти попытки делаются в форме клеветнических заявлений о том, что Ленин, а вместе с ним и партия большевиков не боролась с центризмом в довоенное время. При этом совершенно умалчивается о разгроме большевиками троцкизма в 1912 г. и о той борьбе, которую вел ленинизм с центризмом на международной арене.

Эта троцкистская вылазка проводится под видом защиты люксембургизма.

Известно, что Р. Люксембург «по ряду коренных вопросов: по вопросам организационному, национальному и колониальному, по вопросу об империализме, о крестьянстве и о так назы-

¹) Ст а л и н, О некоторых вопросах истории большевизма.

ваемой перманентной революции, расходилась с большевиками, сближаясь с центристами» (К а г а н о в и ч).

Вот эти ошибки троцкистского характера пытаются сейчас широко использовать ренегаты коммунизма — брандлеровцы, троцкисты и другие агенты буржуазной контрреволюции для борьбы против ленинизма, против диктатуры пролетариата, против нашей партии и Коминтерна.

Не имея возможности, больше того — не смея в нашей стране открыто взять под обстрел политику нашей партии и ее ленинского ЦК с открыто троцкистских позиций, так как «здесь у нас, в Советской стране, испоганенное, загрязненное, разорванное в ключья рабочим классом нашей страны, опозоренное знамя Троцкого не может никого на свою сторону привлечь и завоевать» (К а г а н о в и ч), — троцкисты вынуждены сделать это окольными путями, в замаскированной форме, под маской люксембургизма.

Ревизию ленинизма троцкистские контрабандисты типа Слуцкого и др. пытаются протащить в нашу литературу, используя в этих целях головоунытие и гнилой либерализм некоторых членов партии.

В своем письме в журнал «Пролетарская революция» т. Сталин исчерпывающе разоблачил эти попытки, разоружив таким образом нашего классового врага и подняв своим письмом на огромную высоту теоретическое изучение истории нашей партии. Под руководством ленинского ЦКВКП и вождя партии т. Сталина коммунисты и впредь будут беспощадно бороться со всякого рода оппортунизмом и примиренчеством к нему, с попытками буржуазии идейно обезоружить пролетариат.

* * *

1910 г. был годом самого большого падения массового рабочего движения — общее количество бастовавших упало до 47 тыс.

Но уже во второй половине начинается перелом, и 1911 г. является первым годом нарастающего революционного подъема. Кривая рабочего движения еще робко, но поднимается до 105 тыс. участников стачек.

Пражская всероссийская партконференция в январе 1912 г. констатировала, что «среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910—1911 гг., начало демонстраций и пролетарских митингов... все это есть проявление нарастающего революционного настроения масс против режима 3 июня».

Ленский расстрел в апреле 1912 г. явился поводом к революционному наступлению рабочих масс. Одни забастовки протеста против ленского расстрела насчитывали до 300 тыс. участни-

ков. А общее число забастовавших за весь 1912 г. поднялось выше 1¹/₂ млн., т. е. значительно превысило забастовочное движение 1906 г.¹

«Ленский расстрел, — писал Ленин, — явился точнейшим отражением всего режима третьеиюньской монархии... Для ленских событий характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что зажгли массы революционным огнем».²

Ленские рабочие своей героической и самоотверженной борьбой открыли новую страницу в революционной борьбе пролетариата после тяжелых годов реакции.

Отмечая двадцатилетнюю годовщину кровавых злодеяний царского самодержавия и героическую борьбу павших товарищей-ленцев, пролетариат может с гордостью отметить, что борьба ленских рабочих не пропала даром. Ленский пролетариат вместе со всем пролетариатом СССР ведет борьбу за окончание первой и осуществление второй пятилетки, за построение бесклассового общества. Опыт ленской борьбы и после ленского движения имеет огромное значение для международного революционного движения, обогащая его опыт в борьбе с капиталистическим миром за построение мирового коммунизма.

1 Тогда бастовало 1108 тыс. рабочих.

2 Ленин, т. XV, стр. 534.

КТО ХОЗЯЙНИЧАЛ НА ЛЕНЕ

Ленская трагедия разыгралась в далекой Сибири. В глухой тайге за 1 700 верст от железной дороги лежит Ленский край. Дикость природы, безлюдье, суровость климата — такова картина этих мест.

Но край этот имел богатейшие залежи золота, и уже с половины прошлого столетия он сделался предметом вождения сначала только русских, а потом и международных хищников.

Первоначально разработка золота велась отдельными купцами. Постепенно выделились две крупные фирмы, которые, слившись, образовали акционерное общество под названием «Лензото».

Большие доходы общества заинтересовали царское правительство, и когда у «Лензото» произошла временная заминка с деньгами, по «высочайшему повелению» ему дали ссуду от правительства в 11 млн. руб.

В то же время управляющим всех ленских приисков был назначен ставленник правительства Белозеров, а в состав правления «Лензото» был введен директор Государственного банка Н. И. Бояновский.

Таким образом царское правительство в лице своих назначенцев стало во главе этого «прибыльного» дела.

Огромные барыши, которые получало «Лензото» за счет бесчеловечной эксплуатации ленских рабочих, дали ему возможность не только погасить правительственную ссуду, но и выйти со своими акциями на международную биржу.

«Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма»¹. И исполняя эту свою историческую миссию, царское правительство начинает искать денежного покровителя для «Лензото». Покровитель этот скоро нашелся в лице английского финансового капитала. В Лондоне было образовано общество «Лена-Гольдфильдс». Сначала оно лишь кредитовало «Лензото», а к 1910 г. скупило 71% всех его акций и таким образом сделалось фактическим владельцем Ленских золотых приисков.

¹ Сталин, Об основах ленинизма, стр. 10.

С этого времени дела «Лензото» пошли самым блестящим образом. Оно скупает все пароходства и все крупные предприятия, сосредоточивает в своих руках 423 прииска и становится монопольным владельцем всего края.

Доход, который получали держатели бумаг «Лензото», был необычайно высок, например в 1910 г. он составлял 56%.

Главным источником этих дивидендов являлись неслыханная эксплуатация и нищета ленских рабочих.

Жажда наживы за счет тысяч ленских рабочих, живших в условиях колониальных рабов, тесно сплачивала в один клубок с английскими капиталистами и царский двор, и министров, и русских капиталистов.

Акционерами общества состояли императрица Мария Федоровна, великие князья, граф Витте, министр Тимашев, Государственный банк и т. д.

Министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев, уйдя с поста министра, тотчас же поступает на службу к «Лена-Гольдфильдс».

И когда директор Государственного банка и в то же время член правления «Лензото» Бояновский должен был уйти из правления общества после скандальных разоблачений в связи с Ленским расстрелом, он вполне заслуженно получил адрес от «Лензото» с благодарностью за долгую и усердную работу для пользы англо-русских финансовых хищников.

Таким образом на примере «Лензото» ярко видно, как «интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма».¹

И отсюда ясно, что всякая борьба рабочих против зверской эксплуатации «Лензото» была одинаково и английских империалистов и царскую свору. Поэтому при подавлении стачки рабочих и в Ленском расстреле центральные власти (министры, жандармы и пр.) действовали с «Лензото» в полном единодушии.

Помимо прямого обогащения за счет своих белых рабов, «Лена-Гольдфильдс» увеличивала свои капиталы игрой на повышение и понижение своих бумаг за счет разорявшейся мелкой буржуазии. Для спекулятивной игры на русской бирже обществом назначен был комитет из крупнейших русских тузов: А. И. Путилова, А. И. Вишнеградского и—в помощь им—бывшего министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева. Тройка эта так хорошо спекулировала, что даже из расстрела рабочих на Лене она извлекла большой доход. Во время стачки акции «Лензото» ценились по 3 425 руб., тотчас же после расстрела они вскочили до 3 540 руб.

¹ Сталин, Об основах ленинизма, стр. 10.

Таким образом пролитая кровь рабочих перелилась в карманы ловких спекулянтов звонким золотом.

Правление «Лензото» находилось в Петербурге. На приисках всеми делами ведала приисковая администрация. Во главе ее стоял главный управляющий И. Н. Белозеров—ставленник царского правительства.

Белозеров сам характеризовал себя и свою систему следующей излюбленной им поговоркой: «У меня от коня остаются только грива да хвост, а от вас рабочих—только нос».

Но указанные качества являлись как раз чрезвычайно ценными для «Лензото». Оно щедро оплачивало его услуги, и жалование Белозерова составляло 140 тыс. руб. в год, это в то время, как средний годовой заработок ленского рабочего был 480 руб.

Царские министры льстили Белозерову, и когда «Лензото» устраивало обеды в честь приезжавшего в Петербург Белозерова, тогдашний министр торговли и промышленности Тимашев считал своим долгом на них присутствовать.

Административный аппарат на приисках был построен по системе шпионажа. Доносы, всевозможные способы выслуживания деморализовали в конце служащих. Униженное подхалимство перед начальством, с одной стороны, и площадная ругань, обмеры, обвешивание и избиения рабочих — с другой, — таково было поведение служащих. Поздороваться с рабочим считалось преступлением, а присесть с ним вместе за стол—грозило расчетом. Рабочие увольнялись, штрафовались по первому доносу со стороны служащих.

И чтобы сделать служащих и всю администрацию своими верными агентами, «Лензото» продавало им свои акции и помогало играть на бирже так, что они никогда не проигрывали.

Для рабочих на приисках не было ни судебной власти, ни полиции, к которой они могли бы обратиться с жалобой на насилие со стороны администрации или служащих, даже на их уголовные деяния.

И мировые судьи, и полиция, и солдаты со своим начальством, бывшие на приисках, всецело зависели от «Лензото». Солдаты с начальством и низшие полицейские чины получали от него и довольствие, и жалование, и награды. Полицейские урядники получали от «Лензото» добавочное вознаграждение—18 руб. в месяц на прислугу, 25 руб. на канцелярские расходы, 40—60 руб. — на наем письмоводителя. Кроме того от «Лензото» они получали крупные суммы на организацию сыскной части — по 2—3 тыс. руб.

Почтовое сообщение, почтово-телеграфных чиновников, бодайбинскую тюрьму, местных мировых судей и горно-полицейскую стражу «Лензото» также содержало всецело на свой счет. Оно же отводило свои квартиры всем этим чинам, в том числе

окружным инженерам и податным инспекторам, и содержало их канцелярии.

Стоило лишь тому или иному служащему, чиновнику в чем-нибудь выступить против «Лензото», как его тотчас же брали измором: лишением отопления, электричества и т. п., не говоря уже о жалованьи, наградных и пр.

Неудивительно поэтому, что для ленских рабочих издавна существовало полное тождество между приисковой администрацией и судебной и полицейской властью на приисках.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ И НАЧАЛО ЗАБАСТОВКИ

Рабочие, приехав на Лену, попадали в ловушку, из которой не могли выбраться. Ленский край был совершенно отрезан от всего мира. Чтобы подъехать к железной дороге, надо было ехать зимой по льду Лены на санях 1 700 верст, а летом — на лодке путешествие это тянулось до 130 дней. Понятно, что подобная дорога обходилась очень дорого и была не по карману рабочим.

В свою очередь администрация всячески старалась затруднить отъезд рабочего. В договоре найма, который рабочий подписывал, нанявшись к «Лензото», говорилось, что рабочий нанимается до 10 сентября. Но так как осенью начиналась распутица на два-три месяца, то рабочий должен был или подписать новый договор до следующего 10 сентября, либо ждать, пока установится дорога, не имея ни квартиры, ни продовольствия. И то и другое принадлежало приискам, и при уходе с работы рабочих выселяли и лишали продовольствия. Поэтому для большинства рабочих расчет с работы был почти равносильен смерти.

Что же касается администрации приисков, то тот же договор разрешал ей увольнять рабочего в любое время года за что угодно. Так одной из причин расчета в договоре выступала «леность», под которую конечно можно подвести все, что угодно!

Вот эта-то вечная боязнь быть рассчитанным, страх остаться без работы и хлеба в пустыне, из которой не на что выбраться, заставляли рабочих со всем мириться, всему подчиняться.

Особенно безвыходным стало положение рабочих с тех пор, как «Лензото» захватило весь край в свою собственность. Раньше рабочий мог уйти работать на соседний рудник к другому хозяину, теперь же администрация заносила его в черные списки, делала на его паспорте отметку, и на протяжении тысячи верст кругом он не мог поступить на работу, тем более что все постройки, парходное и другие средства сообщения были собственностью «Лензото».

К осени подгонялся и окончательный расчет рабочих. По договору администрация не обязана была ежемесячно выдавать рабочим полностью их заработок. Платилась лишь часть месячного заработка — от 3 до 7 руб., остальное должно было уплачиваться осенью. Но и осенью «Лензото» не находило нужным платить рабочим. Каждый год за администрацией оставалась задол-

женность рабочим на крупную сумму. Так к осени 1911 г. долг этот доходил до полумиллиона рублей.

Таким образом «Лензото» держало у себя и пускало в оборот крупные деньги, принадлежащие рабочим.

Рабочий день по договору летом был 11¹/₂, а зимой—11 часов. На самом же деле он был гораздо больше. Дело в том, что распределение на работы происходило в 5 часов утра вместо 6 часов, когда по договору начинался рабочий день.

Таким образом тот, кто не приходил к 5 часам, или отсылался домой, и этот день засчитывался ему как прогул, или же назначался на худшую работу.

Кончали работы вместо 6 часов в 7. Таким образом рабочий день длился от 5 часов утра до 7 часов вечера. За вычетом 2-часового перерыва на обед рабочий день длился полных 12 часов.

Кроме того в рабочий день не засчитывалась ходьба от жилища, а рабочие жили в казенных бараках, которые иногда очень далеко отстояли от шахт. Были случаи, что рабочим приходилось ходить за 10 верст на ту работу, куда их посылали. Рабочий день такого рабочего удлинялся с ходьбой до 17 часов в сутки.

Но не только сам рабочий, приезжавший на прински, попадал в рабство к администрации принсков. Еще в худшее рабство попадали его жена и дети.

Жен и детей рабочие имели право привозить с собой лишь с разрешения управления принсков, но как только они приезжали, рабочий по договору обязывался посылать их на работу по первому требованию. «Отказываться от работы прибывшие с ним члены семьи не в праве», — гласил договор.

Пользуясь этим пунктом договора, «Лензото» эксплуатировало детей, подростков, заставляя их работать по 12 часов в день за 50 коп.

На основании же этого пункта администрация превратила жен и дочерей-подростков рабочих в своих белых рабынь. Вот как описывают сами женщины свое положение:

«Нам приходится выполнять всякие работы, включительно с тасканием тяжестей, а также и мужские работы. Работать приходится более 12 часов, а также и ночные работы.

Помимо нашего труда от нас еще требуют и наше тело. Когда мы не поддаемся, то нам не проводят рабочее время, выдворяют из казармы, штрафуют, мужьям нашим заявляют, чтобы они внушили нам слушаться, чтобы «проучили», и если нас мужья не проучивали, то их наказывали всякими придирадками или рассчитывали с работы.

Насильственным путем они заставляли нас выполнять работы, не считаясь с нашими заявлениями о болезнях. Выгоняли на работы плетью, отрывая от грудных детей».¹

¹ Жалоба женщин, поданная окружному инженеру.

Как только «Лензото» скупило все прииски в крае, оно тотчас уменьшило повсеместно зарплату. В среднем зарплата рабочих колебалась от 35 до 48 руб. в месяц. Но действительная зарплата благодаря разным ухищрениям администрации была гораздо ниже.

Администрация систематически проводила обмеры и обвесы извлеченной рабочими руды, неправильно подсчитывая их работу. Когда после расстрела приехала правительственная ревизия, при которой неудобно было обмеривать рабочих, то без всяких усилий со стороны рабочих их заработок сильно поднялся. Так рабочие на промывке песков вместо прежних 1 р. 50 к. выработывали теперь по 2 р. 10 к. и по 2 р. 30 к. в день. Значит раньше их каждодневно обмеривали на 60 и 80 коп.

Но этим дело не кончалось. «Лензото» стремилось и те деньги, которые оно платило рабочим, тотчас же выкачать обратно. Поэтому на приисках, кроме приисковых амбаров, откуда выдавался продовольственный паек «Лензото», были открыты вольные лавки от администрации, и рабочие принуждены были покупать товары в них. Частную торговлю администрация на приисках запретила.

Рабочих за покупки у частных торговцев свирепо преследовали. Так рабочий Петров был рассчитан с работы только за то, что его жена осмелилась купить у частного торговца четверть фунта табаку.

А между тем цены в лавках «Лензото» были значительно выше, чем у частных торговцев. Так сахар в частных лавках стоил 23 коп. фунт, а у «Лензото»—25 коп., мука у частных торговцев—4 руб., а у «Лензото»—4 р. 40 к. за пуд и т. д.

Чтобы лишить рабочего возможности покупать у частных торговцев, «Лензото» прибегло еще к одной уловке. Оно принудительно выдавало рабочим значительную часть зарплаты талонами в свои магазины.

Таким образом, хочешь или не хочешь, а приходилось идти в приисковую лавку. При этом талон выдавался на сравнительно крупную сумму. Сдачи с него в приисковой лавке не давали, и приходилось забирать товар на весь талон.

Грабительская торговля в приисковых лавках давала большой доход «Лензото». Даже по уменьшенным цифрам, которые само «Лензото» сообщало в казну для уплаты торговых налогов, товарищество получило в операцию 1909/10 г. 652 150 руб. чистой прибыли от торговли своих магазинов.

По договору необходимыми припасами продовольствия рабочих должна была снабжать приисковая администрация. Действительно, нескольким тысячам рабочих, заброшенным почти за 2 тыс. верст от железной дороги, негде было достать себе необходимые продукты. И снабжение продовольствием взяло на себя «Лензото». При этом стоимость выдаваемого продовольствия оно вычитало потом из зарплаты.

И в этом опять был неисчерпаемый источник притеснений для рабочих и наживы для администрации.

В своем заявлении правительственной комиссии рабочие писали о выдаваемом продовольствии:

«Товарищество должно было, согласно договору, доставлять нам доброкачественные продукты, которых в тайге помимо приисковой лавки достать почти нельзя, особенно при условии задержки товариществом денег.

Провизия нам доставлялась недоброкачественная: мясо часто несвежее, синевато-черное, обрезки, с нарывами. Часто рабочие на это указывали служащим, выдающим мясо, но те говорили: «Не хочешь, — не бери и уходи без мяса», — и книжки обратно выбрасывались.

Заставляли брать в очередь коровьи головы с вынутыми языками. Были случаи, что в мясе выдавали половые члены, что удостоверено протоколом полицейского урядника.

Хлеб нам давался из непросеянной муки с различными примесями (мочалой, щепками, соломой и другими посторонними предметами), капуста давалась в малом количестве, фунта 2—3 в неделю, и бывало, что капуста совсем не выдавалась недели по 3—4, причем в первую очередь давалась служащим, а потом уж нам, конечно выборки.

Картошка была у нас тоже в редкость, причем порченная и мерзлая. Рыбу давали невозможную, которая сырая была похожа на вареную. Масло было плохое, пестрое, с плохим запахом.

Воду рабочие получали очень скверную. Они должны были пользоваться ключом «Загалдын», у которого были расположены отхожие места и в который стекают нечистоты, а служащим привозят пригодную воду из Гачинского ключа».

Так заботилось «Лензото» о продовольствии рабочих, которые своим трудом давали ему миллионные прибыли.

Самая работа ленского рудокоба, которая так нищенски оплачивалась, протекала в каторжных условиях.

Золото, которое добывалось на Лене, лежало в пластах других пород, глубоко под землей, в полосе вечной мерзлоты. Чтобы откалывать его кайлами, надо было предварительно оттаять породу.

У стены породы, которую должен был дробить забойщик, ставили костры из угля и дров. Когда костры разгорались, то огонь засыпали углями, и медленное горение продолжалось 12—14 часов. Так готовились пласты для забойщиков каждый день.

И благодаря тому что вентиляция в шахтах совершенно отсутствовала и воздух перед спуском в шахты не испытывался, постоянные массовые отравления углекислотой сопровождали работу шахтеров.

Отравления происходили также оттого, что при взрывах пластов, не поддающихся кайлу и лому, «Лензото» употребляло скверный динамит. От него образовывалось много газов, которые вызывали тошноту и головокружение у рабочих.

Самый спуск в шахты был так небрежно сделан, что постоянно угрожал жизни спускавшихся шахтеров. На глубину 20 саженей и более висели почти вертикальные лестницы. По ним почти в темноте спускались один за другим рабочие с инструментами. Вследствие грязи, налипшей на лестнице, и темноты рабочие часто срывались и падали вниз или у них падал инструмент и ранил спускавшихся ниже.

Администрация скрывала несчастные случаи, но горным надзором все же было зарегистрировано в 1911 г. 164 несчастных случая на каждую тысячу рабочих.

В приготовленной для работы забойщика талой шахте рабочему приходилось работать в мокроте, вода часто лилась не только по нижней поверхности шахты, но и и сверху и с боков при температуре в 4—6°. Не спасали ни широкополые кожаные шляпы, ни армяки из кожи—промокали до нитки.

При выходе из шахты негде было обсушиться, так как теплушек для рабочих не было. Приходилось идти до своей казармы 1½—2 и даже 5 верст мокрыми, а зимой еще и по морозу, который в Ленском крае часто месяцами стоит по 40°. По дороге на шахтере все обмерзало, и в казарме он должен был сначала оттаять, чтобы снять с себя одежду.

Такова была работа забойщика. Не менее тяжела была и работа откатчика, который отвозил добытый песок. Песок нагружался на деревянную тачку по 7—8 пудов и больше, и откатчик должен был отвозить ее на расстояние 100—150 сажен. Дорога шла по старым гнилым доскам, и $\frac{3}{4}$ груза висело у него на руках.

Золото появлялось здесь на свет, облитое кровью рабочих в буквальном смысле слова.

В результате тяжелых условий труда даже самые здоровые люди не могли выдержать под ряд более двух-трех лет работы на приисках, а рабочие, работавшие четвертый год на приисках и далее, составляли незначительный процент.

Что касается жилищ, в которых «Лензото» держало своих рабочих, то они находились в полуразрушенном антисанитарном состоянии.

Рабочие жили в приисковых поселках, в жалких разрушающихся казармах, подпертых кое-где деревянными подпорками, с разбитыми стеклами, прогнувшимися крышами.

Из 103 казарм, в которых жили рабочие 2-й дистанции, по определению даже правительственного фабричного инспектора, только 15 находились в удовлетворительном состоянии. Остальные 88 были совершенно непригодны для жилья.

Зимой в них было так холодно, что мокрые сапоги пример-

зали к полу. Рабочие спали в шапках, так как изголовья нар нахилились у промерзающих стен.

Теснота в этих помещениях была такая, что не было свободного простенка, чтобы повесить умывальник, нигде было просушить одежды. Она складывалась в сундуки под нары, размещалась на полках, пересекающих казарму крестообразно по направлению к очагу-плите.

Вода с мокрой одежды ручьями стекала на пол, а оттуда — в подполье через щели в полу. На очаге стряпали, согревали воду в чайниках, а пространством над плитой пользовались в качестве сушилки. На полках были наставлены намокшие валенки, повешены штаны, куртки,—словом, весь гардероб рабочего.

Теснота не давала возможности рабочим после грязных работ привести себя в порядок и почиститься. Немалое количество рабочих и детей принуждено было за отсутствием места спать на полу и под нарами.

Грязь, теснота, нищета, зверское отношение со стороны администрации, отсутствие культурных развлечений, пьянство, поощряемое администрацией, драки, поножовщина и т. д. в казармах, происходили на глазах у всех, превращали жизнь рабочих в ад.

И в этой атмосфере воспитывались сотни детей, росло молодое рабочее поколение. С ранних лет оно было обречено воспринимать всю грубость и одичание, которые окружали его.

Этим самым «Лензото» не только медленно убивало тысячи работавших у него рабочих, но и создавало целые поколения вырождающихся людей.

Эти тяжкие условия труда быта были характерны для положения рабочих при капитализме не только для одной Лены, но и для всей России. Русский рабочий класс под руководством партии большевиков в 1917 г. сбросил с себя власть эксплуататоров. Он, построив свое рабочее государство, строит под руководством партии социалистическое общество, и на его фабриках и приисках растут теперь здоровые кадры трудящихся, для которых труд является не ярмом раба, нищеты и вырождения, а «делом славы, делом чести, делом доблести и геройства».

Договор, на основании которого работают ленские горняки сейчас, охраняет полностью их труд, здоровье, и способствует их культурно-политическому росту. Для всех рабочих подземных работ, для рабочих на открытых работах зимой и для подростков до 18 лет установлен 6-часовой рабочий день. Рабочие надземных мастерских и электростанций работают 7 часов.

Вместо 2 дней отдыха в месяц, которые «Лензото» когда-то разрешало рабочим, установлена 5-дневная неделя (4 дня работы,

пятый день отдыха), кроме того празднуются общегосударственные праздники.

Рабочие подземных работ имеют ежегодный месячный отпуск, остальные — двухнедельный.

Бесплатный выезд обеспечен вместе с семьей каждому горняку до Иркутска, если он проработал не менее трех-четырех лет на приисках или уволен не по своей вине (болезни и пр.).

Рабочие снабжаются продовольствием, за доброкачеством которого следят их профуполномоченные.

Жилплощадь, топливо, освещение, вода, уборка от нечистот, баня не менее раза в декаду — эти услуги даются рабочим по себестоимости.

«Как правило, хозорган должен предоставлять жилища работникам от места работ не далее 1,5 км, в противном случае предоставлять средства передвижения или уплачивать за ходьбу... а свыше 7 км — засчитывать время, потраченное на ходьбу в счет рабочего времени».

Выдается необходимая спецодежда, спецмыло и все нужное для безопасности труда.

Хозорган не только содержит необходимую для детей и молодежи школьную сеть, но и для ликвидации неграмотности взрослых дает учебные пособия и содержит учителей.

«В местах работы с количеством работников не менее 30 человек устраиваются красные уголки». В рабочих общежитиях тоже организуются красные уголки. Все это за счет хозоргана.

Встречным промфинпланом отвечают рабочие на тот план выработки продукции, который предлагает им рабочее государство, ударничеством и соцсоревнованием поднимая производительность труда.

Но 20 лет назад ленский рабочий жил в кабале у капиталистических хищников.

И... в 1912 г. терпение рабочих лопнуло. Тяжкий экономический гнет и полное бесправие, в котором держало «Лензото» своих рабочих, породили могучий протест. 6 258 рабочих (не считая женщин и детей), разбросанных по рудникам огромного Ленского района, почти одновременно прекратили работу.

Поводом к забастовке послужила выдача плохого мяса на Андреевских приисках одному рабочему. Известие об этом было той искрой, которая и произвела взрыв.

Рабочие узнали о полученном мясе 28 февраля, а на утро 29 февраля Андреевские прииски бастовали. Забастовавшие андреевцы послали своих гонцов на ближайшие прииски, и забастовка начала быстро распространяться.

В течение ближайших четырех дней забастовали все главные прииски, а к 14 марта к забастовке примкнули и все дальние прииски. Забастовка охватила 423 прииска и сделалась всеобщей.

С возникновением забастовки на каждом отдельном прииске рабочие выбрали из своей среды выборных для переговоров с администрацией. Из этих выборных и составились те рабочие комитеты, которые руководили стачкой на каждом данном прииске. Они же производили сборы денег на нужды забастовки, принимали жалобы рабочих, составляли заявления и требования от своего прииска и т. д.

Приисковые комитеты были связаны с Центральным стачечным бюро, которое руководило всей забастовкой и находилось на Надеждинском прииске.

О начале стачки и организации стачечного бюро т. Баташев, его председатель, сообщает:

«1 марта, вечером на Надеждинском стало известно, что забастовали андреевцы, а утром 2-го прибыл к нам нарочный и объяснил сущность забастовки... 2 апреля после обеда мы собрались всеми мастерскими в неотстроенной бане, о чем администрация не знала. Здесь мы постановили: выработать часть предполагаемых требований, выбрать уполномоченных от Надеждинского прииска, снять рабочих на Феодосиевском и Александровском приисках. Выборными оказались: Вязовой, Подзаходников, Годов, Беляков и Баташев.

Вечером, лишь только стемнело, я, Подзаходников, Вязовой и Годов отправились на Александровский прииск, собрали митинг, задержав рабочих, идущих в ночную смену, и дождались прибытия кончивших работу. На открытом митинге было решено: прекратить работы, призвести выборы, составить требования и совместно с остальными приисками предъявить их «Лензото». Александровский прииск стал. Феодосиевский тоже.

3 марта с утра в мою комнату стали прибывать выборные от забастовавших приисков... Мы набросали предварительные требования... но главное и в первую очередь мы решили закрепить организационные устои и создать институт старост.

На нашей стороне было много преимуществ для организационного построения, так как казарменный образ жизни давал нам очень многое».

На первом же заседании выборных всех приисков 3 марта было избрано и Центральное бюро. Председателем его выбрали Баташева П. Н., товарищами председателя—Черепяхина Г. В., Зеленко и Попова. В Центральное бюро входили и председатели приисковых рабочих комитетов.

Для ведения переговоров с приисковой администрацией выбрали: Баташева, Вязового, Зеленко, Черепяхина, Белякова и Бондаря.¹

О распределении работы между членами Центрального бюро т. Б а т а ш е в пишет: «Черепяхин Гриша был прикреплен

¹ О личном составе, из бесед с т. Баташевым.

Совет старост ленинских забастовки 1912 г.

к Феодосиевскому прииску с Корнеевым и Андреем Петуховым. Попов, Бондарь—к Александровскому. Лесных с кем-то—Васильевскому, Зеленко и Быков—к Андреевскому, Украинцев Матвей—на дальние прииски. Меня выбрали председателем для общего руководства всей забастовкой. С этой целью я должен был объехать все прииски. Выборные немедленно должны были произвести выборы старост.

Связь с приисками у Центрального бюро была хорошая, так как электрическая станция была в его руках, и по телефону оттуда на приисках беспрепятственно передавалось все, что надо.

Вопрос о старостах барачников, их правах и обязанностях был тщательно проработан Центральным бюро, и на ближайшем общем собрании рабочих приисков была оглашена и принята следующая инструкция.¹

«Староста и его помощники не должны покидать барака во время дежурства. Кто бы ни пришел в барак, должны оказывать ему полное гостеприимство. Посетившего напоить чаем, накормить, спросить, с какого он прииска и какого номера барака. Спросить имя и фамилию и немедленно передать выборному или же самому позвонить на тот прииск и справиться, есть ли такой в таком-то бараке и дома ли он. Если после проверки по телефону устанавливается, что этот человек обманул, тогда необходимо такого человека позвать на тайное совещание в сушилку, запереть его там и держать, пока не выяснится настоящее его лицо, место пребывания и служба. И только при установлении его освободить. Если же не удавалось узнать, то просто его отправляли в полицию, говоря, что это или вор или провокатор. За распространение ложных слухов и подстрекательств самими приискателями внутри своего барака накладывался бойкот, причем он носил своеобразную форму. Если Петров шумел или скандалил и тем нарушил жизнь барака, то объявлялся бойкот только одним бараком, если же замечался за кем-либо провокационный уклон, то был открытый бойкот по всем приискам. Здесь поступали так: Петрову объявлен открытый бойкот. Когда обсуждают какой-либо вопрос, его из барака просят уйти. Никто с ним не разговаривает. Если он пошел куда-нибудь, за ним идет рабочий и говорит тем, куда пришел бойкотируемый, чтобы ему не подавали руки и не разговаривали с ним. При этом сопровождающий рассказывал, за что бойкотируется пришедший. Тогда бойкотируемого просят покинуть барак, а сопровождающего встречают как товарища. Таких случаев было три, когда рабочие приходили со слезами на глазах, просили снять бойкот, давая клятвенное обещание больше этого не делать. После этого при проверке оказывались благоприятные результаты».

¹ По воспоминаниям т. Баташева.

Староста являлся неограниченным хозяином барака. Он отвечал за все беспорядки в бараке, как то: драки, пьянство, самовольные отлучки и пр. Он следил, чтобы не было шпионажа в бараке, следил за стачечной дисциплиной.

Так как каждый барак ночью охранялся от налетов полиции и пр., то староста назначал и проверял караульных. Он же устраивал сборы денег по приказанию рабочего комитета в своем бараке. Жаловаться на старосту можно было лишь рабочему комитету.

Таким образом в лице старост и рабочих комитетов у забастовавших рабочих была создана стройная и гибкая организация. Организация эта, опиравшаяся на огромный энтузиазм рабочих масс и их классовое самосознание, сыграла чрезвычайно большую роль в движении. Достаточно было посланцу с других приисков или от Центрального бюро передать что-нибудь старосте одного барака, как это делалось известным всем баракам и приискам. Поэтому во все время стачки, длившейся четыре месяца, все выступления рабочих отличались таким массовым и стройным характером.

Одновременно с организацией старост была поставлена рабочая охрана у машин, водоотливов, шахт, складов, чтоб предупредить провокацию администрации.

Такова была организационная схема и первые мероприятия по забастовке, которые выдвинули ленские горняки, вступив в борьбу со своими угнетателями.

Каково же было политическое лицо ленского стачечного актива? Почти все выборные были квалифицированные рабочие. Многие участвовали раньше в стачках, кое-кто сидел в тюрьмах и даже в каторге (например т. Лебедев, бывший матрос, попавший на каторгу за восстание), некоторые были затронуты социал-демократической пропагандой.

Это были классово стойкие и революционно настроенные беспартийные вожакИ ленской рабочей массы. Опираясь на энтузиазм забастовавшей рабочей массы, они создали на приисках гибкую организацию, поддерживали железную стачечную дисциплину и возглавляли борьбу ленских рабочих. Под их руководством была проведена и та невиданная в мире политическая демонстрация, когда все рабочие с женами и детьми демонстративно покинули прииски, голосованием отказавшись послать какую бы то ни было благодарность «августейшему монарху», несмотря на все хитрости царских чиновников, предлагавших вынести подобную благодарность нескольким отъезжавшим партиям рабочих.

В то же время политический уровень их был очень невысок. Несмотря на то, что в организации стачки, в готовности бороться стойко до конца они несомненно отражали те революционные традиции, которые привила вожакам рабочих масс партия боль-

Шевиков в 1905 г., в их руководстве стачкой были большие ошибки.

Они избегали политической агитации на собраниях рабочих, стараясь придать стачке исключительно легальный и чисто экономический характер. Они искренно верили, что царский суд может поддерживать их иски к «Лензото». И такие иски подали от всех рабочих группе меньшевистских адвокатов во главе с Керенским, приехавшей на прииски после расстрела.

Эту пропаганду чисто экономической борьбы вне политике, самодержавие разбило одним взмахом, расстреляв 500 безоружных рабочих.

Несомненно эти политические ошибки руководства были результатом оторванности от пролетарских центров, отсутствия в Бодайбо и на приисках большевистской группы и того влияния, которое исходило от довольно большой меньшевистско-эсеровской ссыльной колонии в Бодайбо. Однако нужно указать, что непосредственного влияния на руководство стачкой бодайбинские ссыльные не имели. Наоборот, все попытки со стороны местных приисковых ссыльных — меньшевиксв Розенберга и Думпэ¹ — повлиять на Центральное стачечное бюро в смысле срыва забастовки встретили самый решительный отпор.

Вместе с развитием стачки рос политический и рабочий актив ленцев. В годы гражданской войны почти все рабочие—выборные ленской стачки — сражались на фронтах гражданской войны в рядах коммунистической партии, членами которой оставшиеся в живых являются и в настоящее время.

* * *

После первых требований с разрешения полиции было созвано общее собрание всех забастовавших приисков.

На собрании присутствовало 5 тыс. рабочих. Требования были выработаны и на утро утверждены на вторичном общем собрании рабочих. Основное в них было: 1) 8-часовой рабочий день; 2) прибавка жалованья всем без исключения на 30%; 3) выдача продовольствия должна производиться в присутствии рабочих уполномоченных, а по качеству продукты должны быть одинаковы с теми, которые выдаются служащим; 4) хлеб ржаной должен быть просеянным; 5) предоставление семейным рабочим отдельных от холостых комнат; 6) увольнения должны быть летом, и уволенным рабочим администрация должна дать бесплатный проезд с семьей до Жигалова; 7) уплата жалованья должна производиться ежемесячно полностью; 8) администрация не уволь-

¹ О своей ликвидаторской позиции в забастовке Думпэ сам подробно пишет в своих воспоминаниях.

Общее собрание рабочих

няет по личным капризам, а делает это с ведома рабочей комиссии; 9) необязательность женского труда; 10) вежливое обращение администрации: рабочих называть не на «ты», а на «вы»

Остальные требования в большинстве сводились к требованию исполнять фабричные законы того времени, с которыми «Лензото» не находило нужным считаться и которые постоянно нарушало.

«Лензото» решительно отказалось исполнить что бы то ни было из предъявленных требований. Оно согласилось лишь за свой счет осветить середину казармы и не рассчитывать никого из забастовавших рабочих, если они встанут на работы 6 марта.

В то же время, чтоб скрыть злоупотребления в шахтах, оно тайно приказало приисковой администрации начать затопление шахт. Но рабочие не дали привести в исполнение эту провокацию. Они подняли вокруг этого дела шум, послали ряд телеграмм в центр, и администрация успела затопить лишь одну-две шахты.

7 марта правление «Лензото» телеграфировало из Петербурга новые уступки рабочим. Они были второстепенного характера и сводились к согласию исполнять законы и постановления по охране труда, которые существовали в то время и неисполнение которых даже по законам того времени являлось уголовным преступлением.

Вот некоторые на этих уступок: «Лензото» соглашалось «устраивать казармы согласно постановлениям горнозаводского присутствия», «выдавать продовольствие на равных условиях со служащими», «увольняемых рабочих удовлетворять расчетом по закону», «оказывать медицинскую помощь без промедления» и т. д.

В ответ на эти «уступки» собрание выборных рабочих, заседавшее 9 марта в народном доме, решило забастовку продолжать. 13 марта «Лензото» еще раз подтвердило, что ни одно из существенных требований рабочих оно не намерено исполнить, и переговоры между забастовавшими и администрацией прекратились.

Однако своими опубликованными уступками «Лензото» само признавало, что до этого времени оно не считало нужным исполнять даже жалкие царские законы об охране труда.

КАК «ЛЕНЗОТО» И ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СРЫВАЛИ ЗАБАСТОВКУ

Наряду с мирными переговорами «Лензото» совместно с царскими чиновниками повело самое энергичное наступление на рабочих, стремясь сорвать их стачку.

Кампания по срыву забастовки велась всеми способами. Для этого был приведен в движение весь правительственный аппарат, начиная с департамента полиции, охраны, жандармов и кончая губернской администрацией.

Общее руководство борьбой с рабочими вплоть до их расстрела правление «Лензото» поручило вести двум своим членам: Альфреду Гинцбургу и Н. Н. Белозерову. Оба они находились сначала в Петербурге.

Первые налеты начала делать приисковая полиция. Она стала арестовывать выборных, когда те ходили по делам забастовки на соседние прииски. Рабочие решили вызволять товарищей. Они собирались толпой в 500—600 человек и приходили к арестному отделению, требуя выпуска арестованных.

Перед такой демонстрацией полиция пасовала и разрешала делегатам рабочих осматривать помещения. Таким путем рабочие осмотрели арестные помещения Александровского и Феодосиевского приисков и один раз — поезд, где, по слухам, везли арестованных.

Тогда полиция стала увозить арестованных на дальние прииски. Таку увезли было выборного Демидова на Верненский прииск. Но тотчас же поднялись местные рабочие, пришли и его освободили.

Все эти осмотры и освобождения носили совершенно мирный организованный характер, однако сейчас же иркутскому губернатору полетели телеграммы от управления приисков. Рабочих обвиняли в буйстве и просили прислать войска. Одновременно «Лензото» обратилось к министру внутренних дел Макарову и министру торговли и промышленности Тимашеву также с просьбой прислать войска и выслать с приисков «неблагонадежный элемент». Войска просили прислать «хотя бы за счет товарищества».

Иркутский губернатор, знавший из донесений полиции и окружного инженера с приисков о совершенно мирном течении

забастовки, ответил, что «в посылке нижних чинов пока необходимости не встречается».

Иначе посмотрели на дело центральные власти. Они непосредственно были заинтересованы, как и «Лензото», в том, чтобы сорвать скорее стачку. Поэтому министр торговли и промышленности сам, минуя иркутского губернатора, телеграфировал командующему иркутским военным округом приказ о посылке войск в Бодайбо. Войска конечно тотчас были посланы.

Узнав о высылке войск, «Лензото» начало всеми мерами провоцировать рабочих на открытый бунт.

По приказанию из Петербурга расчетные книжки с деньгами были переданы мировым судьям для выдачи рабочим, так как они отказывались брать расчет. Паспорта были переданы исправнику тоже для выдачи рабочим.

Таким образом «Лензото» как бы уволило всех рабочих и на основании этого приступило к выселению их из казарм. Правление приисков так энергично принялось действовать, что 13 марта у мирового судьи было возбуждено уже 1199 исков о выселении рабочих.

Несмотря на то, что кругом в тайге не было никакого жилья на тысячи верст, мировой судья, как верный служака «Лензото» 15 марта рассмотрел 32 первых иска и приговорил 32 рабочих семейства к немедленному выселению. В то же время «Лензото» постановило прекратить выдачу продовольствия рабочим и выдавать его только за наличные деньги.

Выселение рабочих из казарм и прекращение выдачи продовольствия в тот момент было равносильно объявлению им смертного приговора. Санное сообщение уже прекратилось, и выехать из района приисков было невозможно еще в течение 2 месяцев. Следовательно рабочие выгонялись прямо в тайгу на голодную смерть.

Меры эти, как и полагала администрация, должны были вызвать голодный бунт. Приведение в исполнение этих мер она отсрочила поэтому до прибытия войск. Среди рабочих это, естественно, вызвало величайшее волнение. Центральное стачечное бюро послало в горный департамент об этом возмущенную телеграмму.

Иркутский губернатор не менее энергично, чем «Лензото», принимал меры для срыва и провокации забастовки. Но если «Лензото» хотело вызвать бунт рабочих, устроить массовое кровопускание и, терроризовав массу, эксплуатировать рабочих прежними методами, т. е. действовало открыто фашистскими приемами, то иркутский губернатор уговорами, ложными обещаниями, попыткой подкупить вождей забастовки, арестами, пытался дезорганизовать движение.

Поэтому, получив сообщение от окружного инженера о массовом выселении рабочих с семьями в тайгу зимой, он предписал

ленской полиции: к выселениям не прибегать, обязать «Лензото» выдавать продукты попрежнему.

Однако, несмотря на запрещение губернатора, как только на прииски прибыли войска, администрация решила приступить к выселению. По ее приказанию местный исправник решил арестовать 12 руководителей стачки и выселить 15 рабочих.

Взяв себе на помощь войска, он явился на Феодосиевский прииск. Однако еще ранее его предполагаемое нашествие стало рабочим известно. Те, которым угрожали арест и выселение, скрылись, а исправника встретила двухтысячная толпа.

Рабочие известили и соседние прииски. Со всех сторон к баракам, из которых хотели выселять, по дорогам и тропам двигался народ. Скоро как солдаты, так и полиция были окружены вплотную тесным кольцом рабочих, которое все увеличивалось.

Исправник и воинское начальство растерялись и вместе с войсками пошли «наутею».

Получилась такая картина: солдаты быстро шли впереди, а за ними по пятам шла огромная масса, около трех слишком тысяч рабочих. Когда подошли к Надеждинскому прииску, то навстречу шестивью вышла такая же масса с других приисков.

Много усилий пришлось приложить исправнику, чтобы успокоить толпу. Он бегал около толпы, обещал, что никакого выселения рабочих не будет и т. д.

С трудом, после двухчасовых уговоров, рабочие разошлись.

Такая же картина была и при попытке администрации не выдавать продовольствия. Вспыхнувшие волнения были так велики, что исправник и окружной инженер даже составили акт с них, где писали что по их личным наблюдениям невыдача пищевого довольствия так раздражает рабочих, что волнения могут перейти в открытый бунт.

Иркутский губернатор еще раз категорически приказал приисковой полиции не производить выселений и обязать администрацию выдавать продукты, пригрозив в противном случае принудительной выдачей. «Лензото» потребовало, чтоб правительство взяло на свой счет то продовольствие, которое губернатор заставил его выдавать рабочим. А губернатор, чтоб взвалить эти издержки на «Лензото», начал искать его «беззакония».

Найти последние было нетрудно. Иркутское горнозаводское присутствие, не замечавшее в течение ряда лет безобразий, творимых «Лензото», вдруг прозрело. На своих заседаниях 17, 18 и 19 марта оно вынесло постановление, где писало, что виновником стачки является «Лензото», так как оно первое нарушило договор с рабочими, не выполняя ряд пунктов договора. Тут же присутствие вдруг прозрело и увидело, что «Лензото» не исполняло его постановлений по охране труда и т. д. И иркутский генерал-губернатор 2 мая телеграфировал в Петербург о целом ряде

нарушений законов со стороны «Лензото», указывая что оно является виновником забастовки.

Петербургские центральные власти и правительство слишком тесно были сросшены экономически с «Лензото» и заинтересованы в его прибылях, они резко одернули иркутского губернатора и горнозаводское присутствие.

Но это постановление дало повод Центральному стачечному бюро надеяться получить у «Лензото» «за нарушение им первым договора» заработную плату рабочим по срок контракта, т. е. по 10 сентября. Надежды эти были настолько серьезны, что, уезжая с приисков, все рабочие подали через адвокатов в суд иск на «Лензото».

Конечно в задачи иркутского губернатора вовсе не входило помочь рабочим, и постановление горнозаводского присутствия было припрятано.

А иркутский губернатор энергично продолжал провоцировать срыв забастовки своими приемами.

После 20 марта он начал настойчиво требовать от ленского исправника производить аресты и обыски по приискам. Горному надзору он предложил начать хотя частично работы при помощи штрейкбрехеров под охраной солдат и всемерно культивировать эту меру.

Но главные надежды иркутский губернатор возлагал все-таки на уговоры и обещания, и задачу в этом смысле он возложил на окружного инженера Тульчинского, возвращавшегося в тот момент из Петербурга на прииски.

Роль Тульчинского во время забастовки по отношению к рабочим была предательской. До забастовки как окружной инженер, который должен был смотреть за исполнением законов об охране труда, он не проявил большого геройства. Он смотрел сквозь пальцы на те безобразия, которые творило «Лензото».

Но среди полного холопства, которым были проникнуты правительственные чиновники на приисках, он все же являлся некоторым исключением.

Так в отчете за 1910 г. в горный департамент он осмелился в очень сдержанных выражениях упомянуть о технических недочетах на приисках, о том, что каждый год администрация остается должной рабочим крупную сумму и что «Лензото» незаконно заставляет рабочих работать и в праздники.

Терпеть какую бы то ни было критику своих действий «Лензото» не желало и пожаловалось на этот отчет министру торговли и промышленности. Тульчинский получило выговор.

Чтобы поправить свою карьеру, Тульчинский незадолго до стачки поехал в Петербург. Здесь, на обеде в честь Белозерова, за неделю до стачки он в тосте за здоровье Белозерова указывал на «умелый и гуманный образ действий Белозерова по отношению рабочих»

После такого «укрепления» в Петербурге своей карьеры он и поехал через Иркутск на прииски. В Иркутске он получил от губернатора указания приложить все усилия к ликвидации забастовки путем уговоров.

Одновременно с Тульчинским на прииски отправлялся ставленник иркутского губернского жандармского управления и департамента полиции—жандармский ротмистр Трещенков. Трещенков, не раз в прошлом расправлявшийся с рабочими, был послан на прииски для ликвидации забастовки кровавым путем.

Иркутский губернатор знал, что Трещенков ехал с определенной целью — сорвать забастовку расстрелом, и снабдил его особыми полномочиями, назначая его начальником всей полиции на ленских приисках, и дал ему предписание, где говорилось, что Трещенков едет по секретному делу и что «все полицейские чины обязаны оказывать ему полное содействие» и т. д.

Кроме того он выслал ему телеграфом 500 руб. на «сыскные надобности».

Побавляясь видимо чрезмерной энергии кровавого ротмистра, губернатор одновременно с ним отправил Тульчинского. Оба «героя» приехали в Бодайбо 22 марта.

Некоторые рабочие, поскольку у Тульчинского был конфликт с администрацией, думали, что он встанет на их сторону. Поэтому к его приезду на станцию вышла группа забастовавших рабочих. Тульчинский поздоровался с рабочими и тотчас принялся за свою миссию уговоров. «Печалился, что он встречает рабочих праздными» и просил ради наступления пасхи и «страдания за нас богочеловека» стать на работу.

Однако эти гапоновско-религиозные подходы не подействовали на рабочих, и они расстались с Тульчинским, ничего ему не обещав. Это его не разочаровало.

23 марта Тульчинский собрал прежде всего совещание администрации и полиции, на котором присутствовал и Трещенков. Несмотря на заявление «Лензото», что оно ни на какие уступки рабочим не пойдет, Тульчинский обещался уговорить рабочих стать на работы на четвертый день пасхи.

На другой же день он приступил к выполнению своей миссии, созвав у себя на квартире совещание рабочих-выборных. На совещании присутствовало 60 выборных — мужчин и женщин. «Взявши на себя председательство, Тульчинский говорил все время сам, рассказал всю свою биографию вплоть до того, что жена его живет в Петербурге... в заключение просил стать на работу»¹.

По воспоминаниям выборного Бавыкина, Тульчинский говорил: «Я бы рад для вас, господа, сделать все, что можно, но ви-

¹ В кавычки взяты слова из воспоминаний участников совещания.

дите, вот телеграмма — что она говорит. Она говорит о необходимости поддерживать производство, а не нажимать на него... Если вы любите и уважаете меня, то должны стать на работу, иначе меня отсюда уберут».

На некоторых выборах эти демагогические уговоры произвели большое впечатление.

Тульчинский в своих уговорах не обещал никаких новых уступок со стороны «Лензото». Он обещался лишь присмотреть, чтоб «Лензото» впредь исполняло существовавшие постановления об охране труда. Это была как раз его служебная обязанность и раньше. И теперь он лишь обещался в будущем исполнять ее добросовестно.

Часть выборов была склонна пойти на увещевания окружного инженера. Если бы рабочая масса послушалась их, то забастовка была бы сорвана. Но Центральное стачечное бюро, учтя настроение бастовавших, постановило забастовку продолжать. Классовое чутье, руководившее забастовавшей 7-тысячной массой, удержало рабочих от ложного шага.

Напрасно Тульчинский выбивался из сил, чтобы уговорить рабочих выйти на работы. Уговоры Тульчинского не имели никаких результатов, и на четвертый день пасхи шахтеры на работу не пошли.

Агитация же некоторых выборов за прекращение забастовки имела своим последствием то, что среди рабочих начали ходить слухи, будто выборные подкуплены управлением приисков. Администрация в свою очередь всячески поддерживала и раздувала этот слух, так как ей хотелось пробить брешь в организации стачечников и этим дезорганизовать стачку. Но это ей не удалось. Своим постановлением о продолжении забастовки Центральное стачечное бюро восстановило авторитет выборов.

29 марта Тульчинский, отчаявшись в своих уговорах, вывесил объявление, где предлагал рабочим стать на работу, угрожая в противном случае нанять штрейкбрехеров. В то же время он телеграфировал иркутскому губернатору о необходимости арестовать некоторых выборов и просил выслать на помощь полицию сотню казаков.

В то время как Тульчинский занимался уговорами и пытался притупить классовую ненависть у рабочих, жандармский ротмистр Трещенков готовил кровавую расправу.

Его отношение к рабочим было чрезвычайно наглым и вызывающим. Когда выборные от рабочих пришли переговорить с ним о своих делах, то он просто затопал на них ногами и с площадной бранью их выгнал.

Разговоры о предполагаемом расстреле в связи с прибытием Трещенкова открыто велись администрацией. Заместитель Белозерова на приисках открыто говорил в посетительской в присутствии ряда свидетелей, что «для такого мирового дела можно-де

перестрелять человек 20—30». А доктора в приисковых больницах заготавливали перевязочные средства.

Тотчас по приезде Трещенков телеграфировал виркутское жандармское управление:

«Настоятельно нахожу необходимым арестовать агитаторов и стачечный комитет бастующих рабочих, кои мною выяснены в числе семнадцати человек, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к оружию».

«Лензото» тоже обратилось непосредственно к министру внутренних дел с просьбой об аресте рабочих.

Между тем «Лензото» продолжало провоцировать рабочих. Так 2 апреля на Александровский прииск для раздачи рабочим привезли около 26 пудов гнилого мяса. Это взволновало рабочих, их собралось до 1 тыс. человек, и они потребовали составления акта. Неожиданно в толпу с криком «расходитесь, сволочи!» ворвался Трещенков.

Однако в ответ несколько голосов крикнуло ему: «Сам сволочь», и вся толпа затююкала. В бессильной злобе Трещенков бросился к телефону, чтобы вызвать войска. Но выборные уговорили рабочих, и последние быстро разошлись, и когда на место происшествия пришли войска, — на площади уже никого не было.

Между тем слухи о готовящемся аресте носились среди рабочих и страшно их волновали. Дошли до рабочих также слухи, что состав стачечного комитета, который собирались арестовать, указал Трещенкову Тульчинский.

Поэтому рабочие очень сухо встречали уговоры Тульчинского. Последний же по поводу волнений в связи с тухлым мясом ходил по баракам и уговаривал рабочих. Очевидно чувствуя, что рабочие поняли его роль, Тульчинский боялся ходить один. Его все время сопровождал сам Трещенков и целый наряд стражников. Эта же оценка роли Тульчинского нашла отражение в гектографированном воззвании, выпущенном группой рабочих.

Воззвание подписано: «Союз горнорабочих». Оно является призывом к штрейкбрехерам не работать. Текст его следующий:

«Рабочим от рабочих. Товарищи рабочие! Неужели вы будете дальше продолжать работы? Неужели наша забастовка не есть также ваша забастовка? Ведь вам известно, как «Лензото» нас унижало на каждом шагу. Оно нас кормило дохлятиной с примесью конского навоза. Ругали нас и надругались над нашими женами и дочерьми.

Нас поносили обидами, побоями и так далее... даже те ничтожные законы, которые «Лензото» должно было исполнять, оно не исполняло. И теперь всеми правдами и неправдами оно хочет восстановить старый порядок, но этого не будет...

Пусть Тульчинский с пеною на губах кричит, что он сторонник рабочих, мы ему не верим. Знаем, что он меняет свою шкуру

по сезону. Не смущает нас также собачья морда жандармского ротмистра Трещенкова. Пусть он лает сколько угодно... Можем ли мы обратить наше внимание на брехню полицейской собаки...

Товарищи, вы вышли на работу, но что же вас ждет? Ждет то же, что и нас, те же издевательства и насилия. И что же вас ждет в будущем со стороны товарищей, борющихся за лучшее будущее? Да здравствует забастовка! Долой предателей дела рабочих!»

Приказ об аресте выборных был получен от иркутского губернатора 2 апреля, телеграмма кончалась так: «В случае благоприятного исхода ареста стачечного комитета и впечатления, произведенного им, немедленно арестовать всех остальных рабочих, подлежащих заключению под стражу в следственном порядке».

И вот в ночь на 4 апреля полиция арестовала часть стачечного комитета рабочих и часть выборных.

РАССТРЕЛ РАБОЧИХ И ДЕМОНСТРАТИВНЫЙ УХОД ИХ С ПРИСКОВ

Известие об аресте выборных подняло на ноги все прииски. Везде состоялись собрания рабочих, и решено было требовать освобождения арестованных.

Еще раньше, с целью оправдать выборных, от имени каждого рабочего и с его подписью были заготовлены заявления на имя товарища прокурора. В них рабочие заявляли, что они сознательно участвовали в стачке, что никаких руководителей и подстрекателей на приисках не было.

Вот один из подлинников такого заявления: «Товарищу прокурору иркутского окружного суда. Заявление (фамилия рабочего). Я, рабочий Ленского золотопромышленного товарищества, сознательно прекратил работу. Насильственных мер и подстрекательств во время забастовки не было. И мы продолжаем забастовку ввиду нарушения с нами договора Ленским товариществом и неудовлетворения наших требований. В том и подписуюсь. 2 апреля 1912 г. (П о д п и с ь).

И в другом общем заявлении на имя Тульчинского рабочие требовали от администрации освобождения арестованных товарищей.

С этими заявлениями рабочие решили пойти все вместе демонстрацией.

Первые выступили рабочие Андреевского, Васильевского и Утесистского приисков. Толпой более тысячи человек они уже около 5 часов утра пришли к квартире Тульчинского и потребовали освобождения выборных. Кроме того они возмущенно говорили Тульчинскому, что это он своими указаниями помог полиции арестовать выборных.

Кое-как отделавшись от них, Тульчинский пообещал дать им ответ в 2 часа дня на Надеждинском прииске.

От Тульчинского рабочие пошли в этот же день на Надеждинский прииск, чтобы там подать свои личные заявления от каждого рабочего товарищу прокурора.

Рабочие Александровского прииска выступили около 9 часов и пошли на Липаевский прииск требовать от начальника 2-й дистанции освобождения выборных. По дороге они тоже встретили Тульчинского. Очевидно и среди них распространилась

весть о предательской роли Тульчинского. Последний сам пишет: «Рабочие эти остановили меня и, держась в отношении меня вызывающе, требовали немедленного освобождения арестованных...» Тульчинский опять отделался уговорами, и рабочие пошли дальше. На Липаевском приiske им обещали увеличить паек и выдать заработанные деньги, и рабочие разошлись по домам.

Такие же демонстративные шествия и собрания происходили утром и на других приисках.

На Феодосиевском приiske еще рано утром дело чуть не кончилось расстрелом рабочих. Здесь в восьмом часу утра около конторы собралась толпа рабочих до 2 тыс. человек, требуя выпуска арестованных.

Тогда жандармский ротмистр Трещенков приказал служащим, живущим на приiske, для того чтобы они не попали под расстрел, выехать из него вместе с семьями, выставив напротив собравшихся рабочих имевшуюся у него команду солдат, и вызвал по телефону солдат из Бодайбо.

Однако еще до приезда солдат на прииск явился Тульчинский. Он уговорил Трещенкова убрать солдат в помещение и начал уговаривать рабочих. «На мое приветствие, — так описывает Тульчинский эту сцену, — рабочие ответили молчанием, а затем начали говорить некоторые из рабочих, обвиняя меня в том, что я выдал следователю выборных и указал, кого нужно арестовать...»

Рабочие требовали освобождения выборных и немедленного полного расчета. Уговорами и обещаниями Тульчинский успокоил рабочих, и они разошлись. Таким образом расстрел здесь Трещенкову не удался.

Между тем рабочие Андреевского прииска пришли к 2 часам дня на Надеждинский прииск, как это было условлено с Тульчинским. Но андреевцы не пошли одни, по дороге к ним присоединились рабочие Васильевских приисков, потом Пророкоильинских и наконец рабочие Александровского прииска. Всего образовалась толпа рабочих численностью до 3 тыс. человек.

Дорога, по которой двинулись рабочие на Надеждинский прииск, шла между глубокими сугробами, и шествие растянулось на 200 саженей. Шли не более как по 5—6 человек в ряд.

Во времени их прихода к Надеждинскому прииску туда же приехала команда под начальством штабс-капитана Лепина, вызванная Трещенковым из Бодайбо. Вместе с той командой, которая была у Трещенкова наготове, образовался отряд из 92 солдат. Командовал этим отрядом штабс-капитан Лепин.

Как только рабочие появились на дороге, команду вывели из народного дома и поставили поперек дороги, по которой шли рабочие. Ротмистр Трещенков и другие стали с правой стороны команды.

Когда передние ряды шествия были на расстоянии 150 саженей и их еще отделяла от солдат река, занесенная снегом на 2 сажени с узким через нее мостом, Трещенков послал к рабочим стражника с приказанием свернуть на нижнюю дорогу.

Вслед за стражником к толпе побежал Тульчинский, боясь, что стражника толпа не слушает. В это время никто из рабочих не успел еще даже вступить на мост.

Когда передние ряды окружили Тульчинского, а часть рабочих, усевшись на штабеля лежавшего леса, начала закуривать папироски, раздался первый залп в рабочих. Толпа полегла. Вслед за тем солдаты открыли непрерывный огонь по лежавшим рабочим.

Стрельба была разрешена товарищем прокурора иркутского окружного суда, здесь же присутствовавшим. Он был послан из Иркутска начальником иркутского жандармского управления вслед за Трещенковым для придания расправе «законного характера».

Таким образом в безоружных рабочих стреляли с разрешения и на глазах представителей судебной власти. А штабс-капитан, обходя сзади солдат, грозил пристрелить того, кто будет плохо целиться.

Картина расстрела, по показаниям раненых рабочих, рисуется в следующем виде.

Показание рабочего В. Н. Сенникова: «Утром 4 апреля мы узнали, что многих выборных арестовали в эту ночь, и мы боялись, что и наших выборных арестуют, к тому же многие рабочие волновались, потому что семейным выдавали припасов столько же, сколько и холостым, вследствие этого ощущался недостаток в пище.

Эти два обстоятельства и побудили нас отправиться утром 4 апреля к Тульчинскому и товарищу прокурора с просьбой прибавить отпуск припасов семейным и с заявлением, что никто нас не подстрекает к продолжению забастовки и что никаких руководителей у нас нет, что и было написано в наших заявлениях на имя товарища прокурора.

Решили же мы идти все вместе, а не посылать выборных, потому что знали, что выборных могут арестовать, а всех не арестуют. Около 3 часов дня к нам подошли андreeвцы и васильевцы и когда узнали, что мы все согласны идти на Надеждинский прииск жаловаться и просить освобождения выборных, то соединились с нами и все пошли».

Показание рабочего П. А. Орлова: «На повороте дороги, по которой шла толпа, к ней подбежал инженер Тульчинский и стал разговаривать с передними рабочими. Что он говорил, я не слышал, так как я шел дальше, а потом сел на изгородь у дороги.

В то время как часть рабочих разговаривала с Тульчинским, другая часть тут же расселась — кто на штабеля дров, кто прямо

в снег, а кто и на изгородь, — и стали закуривать, я услышал сигнальный рожок. Через несколько минут после этого без всяких предупреждений раздался залп, после которого рабочие легли на землю и поползли спасаться — кто за штабеля, кто в какое-нибудь закрытое место.

Я после первого залпа соскочил с изгороди и пополз под изгородь. В это время я и был ранен, причем пуля попала мне в левую холку и вышла из левой части поясницы. Выходная рана очень длинная и широкая, и до сих пор мне ее бинтуют.

Показание рабочего В. В. Сысоева: «Я нигде ни от кого не слышал, что солдаты будут стрелять. Ожидать последнего не было оснований, так как забастовка была без всяких насилий, протекала мирно. Толпа рабочих остановилась тогда, когда заиграл сигнальный рожок. Вскоре после сигнального рожка последовал ружейный залп, после которого часть рабочих упала, а часть побежала обратно. Вперед бежать было некуда.

После залпа последовали частые выстрелы; когда я стоял наискось дороги, лицом к первым рядам и наклонился, чтобы лечь на землю, в это время я почувствовал боль в правом боку под рукой и упал. Оказалось, что я ранен пулей, прошедшей сквозь меня и вышедшей в верхней части левой половины спины. Направление пули, видимо, было снизу вверх».

Показание рабочего В. А. Маслова: «Шли мы, как видите теперь, с голыми руками. Я шел в середине толпы. никакого рожка я не слышал. Я вдруг услышал выстрелы; люди передо мною стали валиться, я лечь не успел и был ранен в грудь, пуля вышла из лопатки. Будучи ранен, я упал и пролежал, пока меня не отвезли в больницу на Нижний стан, где пролежал 20 дней. Теперь у меня болит грудь, я кашляю. Работать не могу».

Комиссией сенатора Манухина, присланной правительством, чтобы путем расследования «замести следы» его участия в расстреле, было снято 200 показаний с раненых рабочих. Все они говорят одно и то же. Многие из допрошенных имели по 2—3 раны.

В своей телеграмме о расстреле, посланной рабочими 5 апреля начальнику иркутского горного управления, рабочие писали:

«При первом выстреле все легли на землю. Не обращая внимания, что все рабочие лежали на земле и во время перерыва ползли обратно, солдаты продолжали стрелять бесперывно».

В телеграмме, посланной рабочими 6 апреля члену Государственной думы Полетаеву (большевику), рабочие писали. «3 апреля наши выборные арестованы и препровождены в Бодайбинскую тюрьму. Считая арест незаконным, мы 4-го направились на Надеждинский прииск к окружному инженеру Тульчинскому и ротмистру с просьбой освободить арестованных. Во время переговоров Тульчинского с толпой раздалась команда

Жертвы Ленского расстрела

«пли», — 270 убитых, 250 раненых . . . После первого залпа толпа полегла . . . Стреляли в лежащих; в убежавших вдогонку выпустили по пятнадцати пуль каждый. Убиты также женщины; две ранены в помещении. Повторяем, никаких насилий мы себе не позволили целый месяц. Вопли отчаяния вдов, сирот. Окружающее население в паническом ужасе, мирные рабочие терроризированы, краю грозит разгром . . . Представитель рабочих «Лензото» Баташев».

Таковы были приблизительные цифры пострадавших. Точное число установить трудно, так как полиция всячески старалась уменьшить число пострадавших.

Хоронили убитых ночью в общих могилах, и рабочих не допускали к убитым товарищам.

Когда губернские власти вскоре после похорон начали производить следствие и хотели было вырыть и посмотреть число трупов и характер ран, то жандармы и иркутская прокуратура тотчас энергично вмешались и самым решительным образом отвергли эти попытки.

Положение же раненых рабочих было страшно тяжкое. Полиция не допускала к ним родных и товарищей, а сваливала их на сани и развозила по больницам до 12 часов ночи.

Больница на Феодосиевском прииске, которая обслуживала Надеждинский прииск, была построена на 53 койки, поэтому ее быстро наполнили. И главную массу рабочих повезли в другие приисковые больницы, многие из которых были за десятки верст. Везли без предварительной перевязки. В больницах их вповалку бросали на пол, где они лежали и на другой день без всякого присмотра.

Из осмотренных 200 раненых рабочих 117 были ранены в лежачем положении, 69 получили раны сзади, и только 14 человек были ранены спереди. Однако тотчас после расстрела, по инициативе товарища прокурора и жандарма Трещенкова, иркутская прокуратура возбудила против ленских рабочих судебное дело «о скопище рабочих, учинивших на Надеждинском прииске Ленского золотопромышленного товарищества нападение на войско».

Напрасно мировой судья конфузливо говорил о неудобстве такого дела, так как «на основании осмотра раненых выходит, что на войска напали задом». Слуги самодержавия и капитала не находили нужным стесняться.

Трещенков тотчас после расстрела послал в губернию лживые телеграммы, где писал, что рабочие шли громить войска, вооруженные кольями и кирпичами. Такие же телеграммы слали во все места и администрация приисков, и товарищ прокурора, и горный инженер Тульчинский.

¹ По официальным донесениям, умерло 170 рабочих, а 202 получили тяжелые раны.

На рабочих обрушилась не только зверская расправа, но и самая беззастенчивая и наглая клевета.

Для того чтобы сделать правдоподобным «нападение на войско», Трещенков велел стражникам подобрать все палки и жерди, лежавшие по дороге следования рабочих. Как ни старались стражники, но всего-навсего они собрали 12 жердей, 9 обломков кирпичей, 2 полена, 14 палок — частью гнилых — и обломок сгнившей ветки.

Таково было все вооружение 3-тысячной рабочей массы, которая решила напасть на войска. И с этими «вещественными» доказательствами выступила иркутская прокуратура, обвинявшая рабочих в «нападении на войска».

Департамент полиции остался очень доволен расстрелом, и из Петербурга Трещенкову было передано, что «департамент полиции его действиями очень доволен, благодарит и пр. сит ничем не смущаться».

Осталось довольно и «Лензото». Оно уплатило Трещенкову в награду за расстрел одновременно 2400 руб. и платило по 15 руб. суточных вплоть до отъезда с приисков.

На крови рабочих нажились и некоторые из расстреливавших их солдат. Так как к убитым рабочим не допускали ни товарищей, ни родственников, то трупы были ограблены. И вот в результате этого мародерства трупов и «награды» от «Лензото» в ближайшие дни после расстрела солдаты сдавали для перевода домой по 100 и по 400 руб.

7 апреля по требованию иркутского губернатора Трещенков арестовывает еще 10 выборных.

После отъезда т. Баташева в Иркутск (до расстрела) по делам стачки, где он был арестован, председателем Центрального бюро был Черепашин, а после отъезда его по решению стачечного комитета третьим и последним председателем был Андрей Петухов.

Всего по делу о ленской стачке было арестовано 20 рабочих, причем шестеро из них были политические ссыльные, а остальные рабочие привлекались впервые.

Еще одно предательство было в эти трагические дни. Шло оно со стороны все того же окружного инженера Тульчинского. Когда в день расстрела Тульчинский увидел идущих рабочих, он кинулся их уговаривать, стремясь предотвратить расстрел. Однако это не удержало жандарма Трещенкова, и он приказал стрелять по толпе, несмотря на то, что в ней был и Тульчинский и посланный им стражник.

Тульчинский, лежавший вместе с рабочими, отделался только испугом, стражник же был ранен в ногу.

И вот бывший неоднократно в день расстрела среди шедших рабочих, видевший великолепно, что у них не было никакого оружия в руках, кроме записки к прокурору, он тотчас после расстрела телеграфировал иркутскому губернатору:

«... Возвратился на Надеждинский прииск, где узнал, что все рабочие приисков Андреевского, Успенского, Васильевского, Прокопьевского идут к Александровскому. Соединившись с александровцами, рабочие общей толпой свыше 3 тыс. двинулись на Феодосиевский через Надеждинский около народного дома, места расположения роты, куда прибыли около 5 часов дня. Несмотря на предупреждения, сделанные сигналом, толпа, вооруженная кольями, кирпичами, камнями, угрожающе надвигалась на войска, которые дали несколько залпов... Тульчинский». В своих показаниях сенаторской комиссии после расстрела Тульчинский говорил, что «был охвачен чувством панического страха перед возможной местью рабочих». Очевидно этот страх был вызван боязнью, что рабочие узнают о его новом предательстве. Во всяком случае страх был так силен, что ночь на 5 апреля Тульчинский даже провел под охраной воинской команды в народном доме.

И только через 4 дня, когда он почувствовал, что губернские власти под влиянием всероссийских стачек испугались и недовольны расстрелом, он посылает в горный департамент прямо противоположную первой телеграмму следующего содержания:

«Считаю необходимым в интересах истины исправить конец моей телеграммы от 4 апреля № 361. Фраза «толпа была вооружена кольями, кирпичами, камнями»—помещена со слов других лиц, которые по собранным на месте расположения толпы кольям, кирпичам и камням вывели заключение о вооружении всей толпы, что вошло ошибочно в мою телеграмму. Самому мне, находясь среди толпы, пришлось попасть под пули солдат, и в руках окружавших меня рабочих я не заметил кольев, кирпичей и камней... Тульчинский».

Но своим невольным пребыванием под пулями Тульчинский реабилитировал себя в глазах рабочих. Рабочие Феодосиевского прииска, не зная о его последних телеграммах, подали ему 7 апреля заявление. В нем в трогательных словах они просили у него прощения и говорили, что нахождение его во время расстрела в толпе убедило их в его непричастности к арестованию их выборных.

После расстрела на приисках продолжалась картина неслыханного произвола. Поведение жандарма Трещенкова в отношении рабочих отличалось чрезвычайной наглостью. Он разъезжал по казармам, ругал рабочих площадной бранью, угрожал им, что если они через два дня не выйдут на работу, то он придет с солдатами и будет расстреливать их в казармах, не щадя ни женщин, ни детей.

Администрация продолжала вести свою наступательную политику. Было вывешено объявление, что продовольствие из приисковых амбаров выдается лишь тем рабочим, которые не имеют за товариществом никакого заработка.

«Те же рабочие, которые при расчете получали не менее 18 руб. на одинокого и 30 руб. на семейного, должны получать продовольствие за наличные деньги», — гласило объявление.

До открытия навигации оставалось 1½ месяца, и этих денег ни одинокому ни семейному на прожитие не могло бы хватить ни в коем случае. Это постановление угрожало рабочим голодом.

Однако раскаты пролетарского гнева уже докатились до Иркутска, и губернатор 18 апреля приказал Трещенкову прекратить немедленно всякий расчет рабочих и выдавать им продовольствие попрежнему, без всяких ограничений.

Но не только иркутский губернатор, само «Лензото» под влиянием мирового скандала перетрусилось. 22 апреля оно испуганно телеграфировало на прииски приказание, чтобы администрация беспрекословно подчинялась всем распоряжениям Тульчинского. Очевидно в ее глазах Тульчинский являлся образцом возможного либерализма в отношении рабочих.

Вслед за этим, стремясь как-нибудь затушить пожар, правительство из центра принимает ряд мер, чтобы скорее и без шума, тем или иным путем прекратить ленскую стачку. Прежде всего за это взялся сам горный департамент. 5 мая он шлет телеграмму непосредственно Тульчинскому, где пишет: «Было бы весьма желательно, чтобы вы постарались убедить рабочих стать на работу». При этом департамент указывал, что мотивировать необходимость прекращения стачки Тульчинский может тем, что только при нормальных условиях работы правительственная комиссия, едущая на прииски, может произвести правильное расследование расстрела.

Получив это приказание, Тульчинский с жаром принялся за уговоры. 5 дней он разъезжал по приискам, уговаривая рабочих. Но все было напрасно, даже его угрозы и намеки на принудительную эвакуацию рабочих в случае их упрямства не помогли.

В ответ на уговоры рабочие выставили 12 пунктов условий. В их числе было освобождение арестованных товарищей. Ни «Лензото», ни правительство на эти условия не пошли, и стачка продолжалась.

В это время на помощь Тульчинскому приехал на прииски 21 мая сам иркутский генерал-губернатор и принялся также за уговоры рабочих. «У начальника края большое желание поставить рабочих на работу, он по приезде послал телеграмму министру, что рабочие очевидно станут», — телеграфировали о нем в Иркутск.

Но уговоры и здесь оставались безрезультатными. Тогда «Лензото» еще раз попробовало спровоцировать рабочих. Оно объявило рабочим о своем согласии повысить расценки всего на 200 тыс. руб., однако распределило прибавки так, что они падали лишь на высшие категории рабочих.

Рабочие, обсудив новые расценки, нашли, что они совершенно не улучшают их положения, и решили продолжать забастовку. Напрасны были и уговоры приехавших в это время из центра адвокатов: Керенского, Патушинского, Тюшевского, Кобякова и Никитина, которые уговаривали рабочих прекратить забастовку, чтобы таким путем избежать принудительной эвакуации.

Тогда генерал-губернатор решил воздействовать на рабочих угрозой. Он вывесил объявление, где писал, что ввиду отказа рабочих принять уступки «Лензото» и кончить забастовку они обязаны взять расчет, в 7-дневный срок выехать с приисков, причем «Лензото» соглашалось на свой счет довести их до Усть-Кута. В противном случае генерал-губернатор угрожал вывезти рабочих этапным порядком.

Таким образом всех бастовавших рабочих — свидетелей расстрела — по приказанию губернских властей должны были удалить с приисков насильно еще до приезда правительственной комиссии. Это тотчас стало известно всей России и слишком скандализировало правительство. Распоряжение отменили.

На приисках же шла усиленная подготовка к предстоящей ревизии: все чистилось и подновлялось.

С огромным штатом петербургских и иркутских чиновников 4 июня явился на прииски во главе правительственной комиссии сенатор Манухин и начал производить опросы сотен свидетелей и осмотры шахт, казарм рабочих и т. д. Не обошлось и тут без сенаторской провокации.

Тотчас по приезде он обратился с воззванием к рабочим, где писал, что только тогда сможет произвести правильное расследование и понять картину труда и нужд рабочих, если рабочие станут на работу.

Одновременно в разговоре с одним из главнейших руководителей «Лензото» и умирителей забастовки — Альфредом Гинцбургом — он говорил, что его призывы к рабочим стать на работу и этим закончить стачку являются лишь тактическим шагом. «Он не заблуждается относительно дальнейших намерений буйного элемента, но он надеется, что рабочие, раз встав на работу, не поддадутся дальнейшей агитации».

Таким образом провокация срыва забастовки шла по всей линии, начиная с петербургских и местных чиновников и кончая Керенским и К°.

Все они отлично понимали, что заставить подняться всю 8-тысячную массу рабочих на всеобщую стачку могли лишь исключительные обстоятельства и исключительный подъем классовой солидарности, и хотя бы временное возобновление работ должно неизбежно вызвать раскол среди рабочих и нежелание части рабочих вновь бросать работу.

Рабочие не послушались призыва Манухина и на работу не стали, но сенаторской провокации помогла группа эсеров-

меньшевиствующих адвокатов. Представляясь друзьями рабочих и защитниками их интересов, они постарались сорвать конфликт рабочих с капиталом в пользу последнего.

Рабочий Ив. Кудряшов в своих воспоминаниях пишет: «Батюшка Александр Федорович (Керенский) около нас, феодосиевцев, три дня бился на собраниях, пока своим слезливым голосом не убедил большинство выйти на работу».

Из тактических соображений рабочие постановили временно выйти на работу. Перед выходом на работу они вынесли на всех приисках следующую резолюцию:

«Сенатору Манухину. Идя навстречу приглашению вашего высокопревосходительства и стремясь выяснить правду на Ленских приисках, собрание рабочих (название прииска) прииска решило, что все рабочие, не отказываясь от своих требований, встают на работу временно по таксе, предложенной управлением «Лензото», не подписывая договора до рассмотрения спорных вопросов вашим превосходительством. Имеем честь просить ваше высокопревосходительство о скорейшем созыве комиссии с участием представителей рабочих для выработки нового договора и расценки».

С 7 июня работы на приисках шли полностью, и иркутский генерал-губернатор удовлетворенно телеграфировал министру внутренних дел Макарову: «Дело сдвинуто с мертвой точки».

Ревизия Манухина вела опросы и следствие, а администрация продолжала притеснять рабочих и временно припрятывала свои жульнические проделки.

На Светлом прииске администрация припрятала от ревизии Манухина около 500 пудов тухлого мяса. И рабочие просили Манухина «уничтожить это тухлое мясо, которое управление бережет вероятно для раздачи рабочим после вашего отъезда».

Одновременно с расследованием комиссия Манухина занялась составлением нового договора.

26 июня новый договор был готов и передан на обсуждение рабочим. Первыми обсуждали его рабочие Феодосиевского прииска. Большинство 1 998 человек против 7 они приняли следующее постановление: «На собрании рабочих Феодосиевского прииска 27 июня при обсуждении нового договора и расценки работ рабочие нашли, что он лучше старого, но не последовало тех существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих, так как порядок не изменился. Администрация приисковая та же, и крепкий белозеровский режим не изменился и в присутствии ревизии».

Виновность ленцев («Лензото») не установлена, и на них не наложена обязанность штрафа за все наши мучения и за все нарушения прежнего договора. Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекала виновных в 4 апреле, а наши выборные невинно сидят в тюрьме, и, одним словом,

не выяснена правда. При всех этих обстоятельствах рабочие считают подписать договор невозможным и остаться у ленцев в тайге невозможным при таких порядках, какие существуют в настоящее время... к работе не приступают и желают вывоза в жилые места и в другие места, где они могут найти себе новые работы»).

Одновременно к этой резолюции присоединились все остальные прииски. 28 июня к величайшему удивлению Манухина, «Лензото» и адвокатов рабочие всех приисков дружно и организованно вновь прекратили работу.

Напрасно метали гром и молнии и губернская и центральная власть. Вся 8-тысячная масса ленских рабочих с женами и детьми, протестуя против третьейинского режима потребовала своей эвакуации из края.

Эвакуация рабочих с приисков началась с 4 июля и закончилась 5 августа. Администрация приисков буквально вылезала из своей шкуры, чтобы сорвать эвакуацию и вызвать среди рабочих волнения, раскол.

Однако и на этот раз усилия «Лензото» были напрасны: спровоцировать рабочих им никак не удалось.

Напрасны были и усилия губернских чиновников вызвать у рабочих «верноподданнические» чувства. На собрании первой отъезжавшей партии рабочих им была предложена резолюция, выражающая благодарность председателю правительственной комиссии Манухину и просящая его «повергнуть к стопам монарха верноподданнические чувства». Молчаливо была заслушана резолюция, без прений проголосована и единогласно отклонена.

Еще раз эту самую резолюцию пробовали предложить другой партии отъезжавших рабочих, и еще раз она была отклонена точно таким же образом.

Рабочие уехали; 8 909 рабочих с женами и детьми покинули добровольно Ленский край. Бастовавшие уехали все, за исключением 50 человек.

Своей второй стачкой и отъездом с приисков они произвели невиданную в мире политическую демонстрацию, которая была тем удивительнее, что в условиях самодержавного режима уезжающих рабочих ничего не ждало впереди, кроме безработицы и преследований полиции.

Отличительной чертой ленской забастовки является необычайный героизм, проявленный всей 8-тысячной массой ленских рабочих.

Принадлежащие по своему культурному уровню к самым отсталым слоям русского пролетариата, ленские рабочие вписали своей стачкой героическую страницу в историю русского рабочего движения.

Они дружно и неоднократно тысячами подымались на защиту

Отправка 2-й партии рабочих Алексавдро-Невского прииска

своих выборных товарищей. В сотнях допросов, которые снял с них сенатор Манухин, они не сказали ни одного слова, которое могло бы повредить их борьбе или провалить их организацию. Ни одного провокатора не могла найти среди них полиция.

В своей борьбе, которая длилась четыре месяца, которая не имела правильного партийного руководства, которая сопровождалась неслыханной провокацией со стороны всех, с кем приходилось сталкиваться забастовщикам, ленские рабочие проявили чудеса классовой стойкости и дисциплины.

Уроки 1905 г. не прошли даром для ленских рабочих. Они уже не верили ни в царя, ни в попа, ни в адвокатов, — даже тех выборных, которые поддались уговорам Тульчинского, они во-время одернули. Ленские рабочие боролись до конца, рассчитывая главным образом на свою солидарность и организованность.

Окончилась ленская забастовка с внешней стороны неудачно. Рабочие покинули прииски, уехав на голод и безработицу, но их героическая борьба и зверская расправа с ними самодержавия зажгли огонь энтузиазма во всем русском рабочем классе.

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕНСКОГО РАССТРЕЛА

8 апреля большевистская газета «Звезда» вышла в траурной кайме. На первой странице крупным шрифтом было напечатано краткое сообщение: «На Ленских приисках убито 270, ранено 250». Передовица газеты начиналась так: «В мрачную историю русского рабочего движения, богатую невероятными образцами самого бессмысленного, изощренного насилия и беззакония, властной безответственной рукой вписана новая кровавая страница. Во славу капитала, для поддержания престижа власти расстреляли мирную толпу рабочих Ленских золотых приисков... Трудно сдержать крик негодования перед грудой «невинно убиенных» и искалеченных русских рабочих, вся вина которых в том, что они мирными, законными путями добивались сносного человеческого существования».

И в ответ на это известие началось такое грандиозное рабочее движение, которого Россия не видала со времени 1905 г. По призыву партии большевиков и «Звезды» рабочий класс поднялся как один, руководимый чувством классовой солидарности, с протестом против зверской расправы над своими товарищами в далекой тайге. Первый поднялся петербургский пролетариат, и затем, начиная с различных промышленных центров и кончая южными городами, вспыхивали политические протесты, в которых приняло участие более 300 тыс. рабочих.

В забастовке протеста участвовали рабочие всех крупнейших центров. Бастовали: Петербург, Москва, Рига, Саратов, Киев, Одесса, Баку, Екатеринослав, Харьков, Николаев, Сорново и ряд других городов.

В Москве забастовки протеста приняли форму перекачывающейся волны и не прекращались до 1 мая. Сегодня бастовали одни, завтра — другие. Забастовки захватывали здесь самые крупные предприятия: Гужона, Бромлея, Мытищинский вагоностроительный завод и др. Всего по исчислениям промышленников (значит сильно преуменьшенным) в Москве по поводу ленских событий бастовало 54 тыс. рабочих.

Движение развивалось с необычайной силой и своего высшего развития достигло 18 апреля. В этот день в одном Петербурге бастовало свыше 100 тыс. человек.

Начинались и протекали стачки так: рабочие на общем собрании выносили резолюции по поводу ленского расстрела, затем объявлялась однодневная забастовка, и с пением похоронного марша масса рабочих выходила за ворота. Часто этот выход превращался в демонстрацию. Рабочие выкидывали красные знамена и с пением шли несколько кварталов, пока не появлялась полиция. Такие демонстрации устраивали в Петербурге рабочие заводов за Московской заставой, такие демонстрации устроили портные и печатники 17 апреля и многотысячный Путиловский завод, фабрика «Скороход» и многие другие. За демонстрацию рабочих и учащихся, бывшую на Невском 15 апреля, полиция арестовала 132 человека.

Но аресты не помогали, движение разлилось могучей волной по провинции. Так 19 апреля рижский губернатор телеграфировал в департамент полиции: «Вчера забастовало 21 тыс. рабочих на 52 заводах... На Ревельской улице наряд полиции рассеял толпу, шедшую с красным флагом и пением революционных песен... вечером рассеяны 2 толпы, шедшие с флагом и пением...»

Такие же жандармские и губернаторские донесения шли и из десятков других городов.

И одновременно десятки и сотни резолюций летели с фабрик и заводов в редакцию «Звезды» и социал-демократическую фракцию Государственной думы с протестом против ленского расстрела.

Рабочие завода Осипова в Петербурге в своем протесте писали: «Вместе с расстрелом ленских рабочих расстреляны и наши груди. В таком глубоком издевательстве над рабочим классом мы, рабочие, обвиняем не только местных палачей, но и весь современный строй и в частности господствующее большинство Государственной думы».

Группы латышей Петербургской стороны писали в ответ на ленские события: «Будем бороться за создание сильных и сплоченных организаций по всей России». Трубопрокатный завод в своей резолюции пишет: «Мы находим, что только организованная борьба рабочего класса может положить конец ленским событиям». Фабрика Я. Беккер решает: «Только организованная массовая борьба избавит нас от получения вместо хлеба — пули, вместо свободы — преждевременные могилы». Рабочие Южнорусского чугунолитейного и вагоностроительного завода: «Придет день, — и дорого нам заплатят враги наши за все причиненные нам беды, а этот день уже недалеко».

Даже из приведенных отрывков видно, что движение протеста рабочих против ленской бойни не носило характера «мирной борьбы за право коалиций», как пытались его изобразить ликвидаторы. Движение шло под лозунгами борьбы за революцию, под лозунгами свержения самодержавия.

Во главе этого движения шла партия большевиков. Идейным

центром его была большевистская газета «Звезда». Кроме того в ряде мест были выпущены прокламации с лозунгами большевиков.

9 апреля в III Государственную думу был внесен запрос социал-демократической фракции.

«...В течение целого месяца стачка протекала совершенно мирно. Тем не менее 29 марта общее командование усиленным военным отрядом было вручено специально командированному жандармскому офицеру Трещенкову, известному, по сообщению газет, прошлой провокаторской деятельностью.

Становится очевидным, что, стремясь к скорейшему прекращению забастовки, Ленское товарищество, в делах которого заинтересован ряд крупных капиталистов и высокопоставленных лиц, решило совместно с правительственными агентами подавить забастовку военной силой...»

И далее, рисуя расстрел рабочих, запрос кончает:

«В угоду кучке алчных капиталистов, строящих свое благосостояние на азартной биржевой спекуляции, принесены в жертву интересы тысяч рабочих. В интересах предпринимателей сотни семейств лишены кормильцев, сотни детей лишены отцов, жены — мужей.

На далеких приисках совместными усилиями правительства и предпринимателей вырыты сотни могил, и к ним обращены теперь взоры всего рабочего класса. И от имени всего рабочего класса России мы констатируем следующее:

Кровавая ленская трагедия является одним из наиболее ярких выражений общей правительственной политики. Правительство вновь возвращается к старым испытанным приемам борьбы. Вновь повторяются златоустовская, домбровская и иные бойни, повторяется день 9 января.

Простые меры в виде высылки, арестов, преследования печати и союзов очевидно признаны недостаточными. И в ответ на требование свободы стачек, союзов, собраний правительство и капиталисты ответили горячим свинцом...»

В ответ на запросы в Государственной думе по поводу ленских событий министр внутренних дел Макаров с беззастенчивым цинизмом рассказывал, что расстрел произошел потому, что толпа рабочих, подстрекаемая агитаторами, напала на войска.

Он договорился до того, что толпа якобы силой ударила Тульчинского в своих рядах и после первого залпа бросилась на солдат с криками «ура»... Свою речь он кончил заявлением о расстреле, что «так было и так будет впредь».

Однако и правительству и всем его агентам на местах пришлось скоро трусливо прикусить язык и несколько изменить свое поведение,¹ когда неожиданно для них в ответ на стоны умираю-

¹ Чтобы замести свои следы, «по высочайшему повелению» правительство громкогласно объявило о посылке им на Ленские прииски комиссии во главе с сенатором Манухиным для расследования событий, связанных с расстрелом.

щих ленских рабочих раздалось могучее эхо негодования по всей пролетарской России.

Решительная борьба партии большевиков против оппортунистов, за разрыв с ними была одной из главных причин, которая помогла рабочим уяснить себе, что только партия большевиков является партией революционного пролетариата и каждое выражение коллективной воли в годы послеленинского расстрела было в то же время и демонстративной мобилизацией рабочих вокруг своего авангарда. Так массовый взрыв рабочего негодования после ленской бойни вызвал появление на свет большевистской легальной газеты «Правда». 227 рабочих групповых сборов в апреле 1912 г. создали материальную базу для большевистской газеты.

«Именно апрельский подъем рабочих создал рабочую газету «Правда», — пишет Ленин (т. XVI, стр. 47).

Значение «Правды» — легальной большевистской газеты, для рабочего движения было колоссально. Она являлась боевым штабом и идейным руководителем и организатором рабочего движения. «Правда» беспощадно преследовалась, конфисковалась и закрывалась правительством. Но ее поддерживало поднимающееся рабочее движение, — и она возрождалась вновь.

Рабочие самоотверженно поддерживали «Правду». История рабочих взносов на рабочие газеты в России является тем ярким показателем, который иллюстрирует, за какой партией шел пролетариат в годы подъема.

За 1912 и 1913 гг., а также за четыре месяца 1914 г. число рабочих групп, собиравших на большевистскую легальную печать, было 5 674, а за тот же период на ликвидаторские издания — 1 427. И это несмотря на свирепые полицейские репрессии, которыми именно большевистскую печать окружало самодержавие.

Другим таким же историческим показателем влияния большевиков были выборы в IV Государственную думу от рабочих курий. Шесть депутатов большевиков прошли в нее только от крупных промышленных центров, как Москва, Петербург, Екатеринбург, Харьков и др. с общим числом рабочих голосов до 1 млн.

Остальные депутаты социал-демократы (меньшевики) шли от Иркутска, Крыма, Дона и др. с общим числом голосовавших рабочих 136 тыс. Таким образом за меньшевиков было подано лишь 11,8% рабочих голосов.

О той же верности большевистскому знамени со стороны русского пролетариата говорят и сведения о большевизации петроградских профсоюзов.

«Известно, что металлисты самые разбитые и передовые рабочие не только в Питере, но и во всей России, — не только в России, но и во всем мире, — пишет Ленин (т. XVII, стр. 49).

И мы видим, что на собрании Петроградского союза металлистов (7 сентября 1913 г.) из 3 тыс. рабочих только 150 человек отдают свои голоса меньшевикам при перевыборах правления. Правления большинства легальных профсоюзов переходят в руки большевиков.

Отсюда понятна тактика ликвидаторов: не сумев подчинить революционное рабочее движение своему оппортунистическому влиянию, они пытаются ввести в заблуждение рабочих разговорами о необходимости объединения с большевиками.

Ликвидаторская газета «Луч» пишет статьи, где клянется, что у них с большевиками расхождения сводятся лишь якобы к «организационному вопросу». А отсюда рабочим предлагается все групповые сборы делить поровну между ликвидаторскими и большевистскими изданиями.

Эта своеобразная «уравниловка» была разоблачена ленинцами, рабочие на нее не пошли. Тогда политические банкроты делают новый маневр: семь депутатов меньшевиков, членов IV Государственной думы, опираясь на свое «большинство», требуют от шести депутатов большевиков, чтобы они начали сотрудничать в ликвидаторском «Луче», а «Луч» настаивает на слиянии с ним большевистской «Правды».

Тов. Ленин спрашивал по этому поводу, «можно ли «большинством голосов» заставить работать в газете, направление которой не разделяешь». «Правда» слиться не пожелала, в ответ на ликвидаторские призывы предложила «Лучу» прежде порвать с ликвидаторством, т.-е. «ликвидировать себя».

Скрыть и замазать революционный подъем, которым ответил пролетариат на ленский расстрел, было невозможно. Тогда ликвидаторская печать вслед за буржуазией из кожи лезет, чтобы доказать рабочим, что ленская стачка, так же как и майская забастовка, носит характер л и ш ь п р о ф е с с и о н а л ь н о г о д в и ж е н и я и борьбы за «права» легальности, что пролетариат ничего и не желает и не требует в своих выступлениях, кроме свободы коалиций.

Это же самое писал и Троцкий, уверяя рабочих, что «борьба за свободу коалиций является основой ленских событий и их отголосков» и что «это требование стоит и будет стоять в центре революционной мобилизации пролетариата».

Ликвидаторская и троцкистская клевета на ленскую забастовку, которая после расстрела переросла в политическую демонстрацию — клевета на всероссийские рабочие забастовки и демонстрации, которые носили характер боевого протеста против третьеиюньского режима и шли под лозунгами большевиков, имела целью ввести рабочее движение в рамки столыпинской легальности. Но это не удалось. Вслед за забастовками по поводу ленских событий могучими волнами прокатились по всей стране первомайские забастовки, в которых приняли участие до 400 тыс.

рабочих. В день 1 мая рабочие мощными демонстрациями по всей стране еще раз дали грозное предостережение самодержавию, что «так было, но так не будет».

Сотни тысяч рабочих по несколько раз в год поднимались на политические протесты и демонстрации в течение 1912, 1913 и 1914 гг.

В самых разнообразных кампаниях под руководством и по призыву партии большевиков проявлял рабочий класс свою возросшую политическую активность и классовое самосознание. Поддержка женского рабочего дня, дня рабочей печати, поддержка всеобщей бельгийской стачки, забастовки протеста по поводу дела Бейлиса, протест против открытия IV Государственной думы, забастовки протеста против севастопольских казней — все это вызывало массовое участие и поддержку рабочих.

Борьба шла по восходящей линии вплоть до июля 1914 г., когда в Петербурге начали строить баррикады. И только начавшаяся империалистическая война временно опять отбросила назад рабочий класс, чтобы через несколько лет привести его к победной революции.

Таким образом в общеполитическом масштабе ленская стачка не была поражением. «Есть поражения, которые лучше других побед». Ленская стачка открыла собою первую страницу гигантской борьбы русского пролетариата после годов реакции, борьбы, которая привела его к Великому Октябрю.

В своем приветствии ленским рабочим¹ т. Сталин писал: «Апрельский расстрел ленских рабочих 15 лет тому назад был одним из самых кровавых злодеяний царского самодержавия. Отважная борьба павших в далекой тайге от царских пуль товарищей не забыта победившим пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними. Ныне, свободные от царского и капиталистического гнета, на берегах Витима вы имеете возможность добывать золото не для обогащения тунеядцев, а для укрепления мощи первого в мире своего рабочего государства. Честь и слава павшим в борьбе за победу рабочего класса»

¹ «Ленский шахтер» № 8, 1927 г.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕЧАТАЮТСЯ:
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КОМКАДЕМИИ
РАБОТНИЦА
НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
СТРОЙКЕ

СБОРНИК АВТОБИОГРАФИЙ
РАБОТНИЦ-УДАРНИЦ
Под редакцией ЧААДАЕВОЙ

ЦЕНТРАРХИВ
СОБЫТИЯ НА ЛЕНЕ
(в документах)

ТОКИИ.
ЛЕНИН, ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ
ЗНАЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва, центр, Кузнецкий мост, 7.